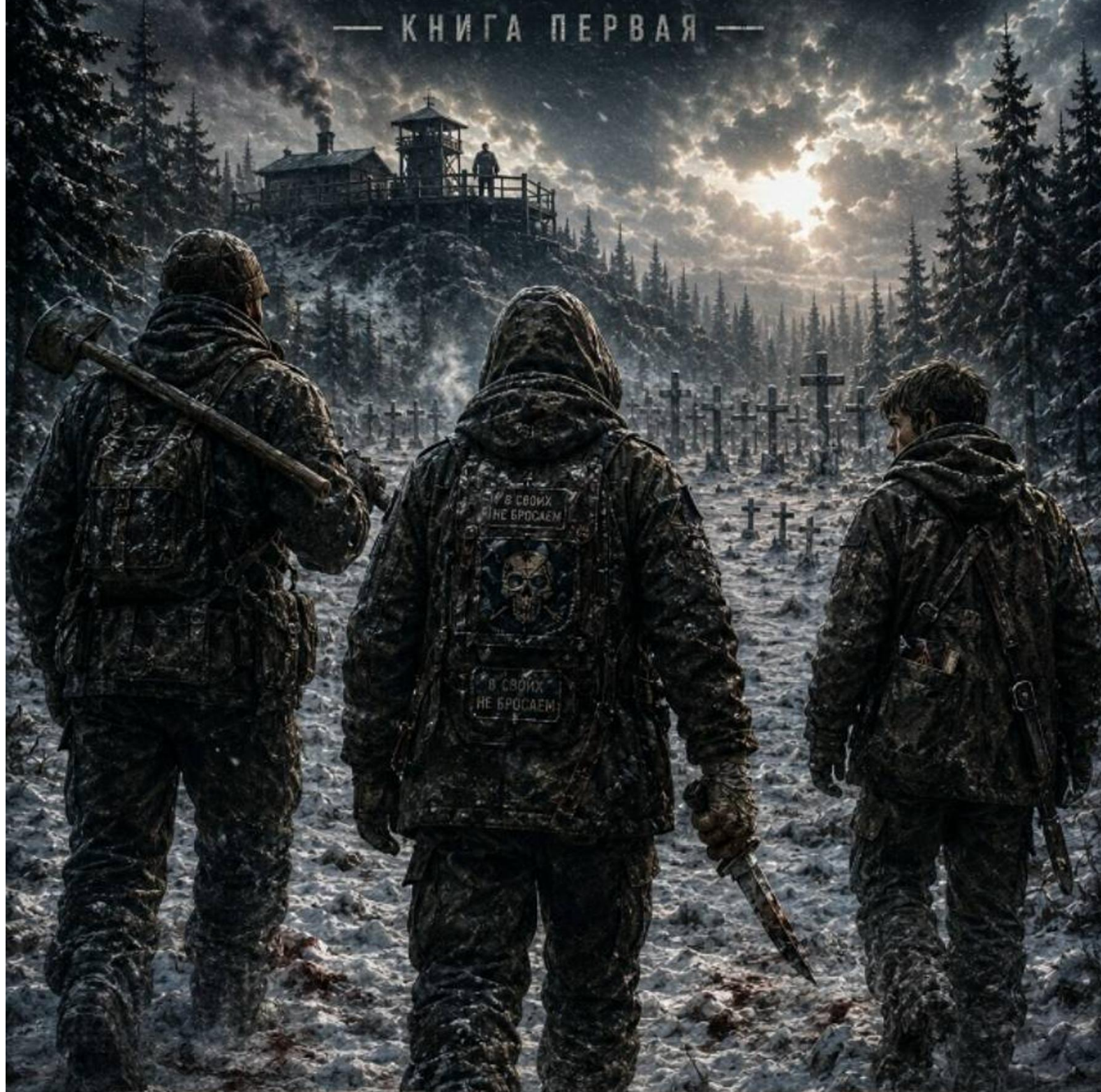

АРСЕНИЙ ФЕДОРОВ ПЯТНАДЦАТЬ КРЕСТОВ НА ОПУШКЕ

— КНИГА ПЕРВАЯ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

«Мы не победили ад. Мы просто построили в нём дом.
И назвали это жизнью.»

18+

Те, кто выжил, те, кто остался, те, кто не сдался

Арсений Федорин

**Пятнадцать крестов на
опушке. Книга первая**

«Автор»

2026

Федорин А. А.

Пятнадцать крестов на опушке. Книга первая / А. А. Федорин — «Автор», 2026 — (Те, кто выжил, те, кто остался, те, кто не сдался)

Январь 2022-го. Горнолыжная база «Аист», победа на соревнованиях... и первые тревожные новости по радио. На следующее утро Арсений узнает, что тренировок больше не будет. Никогда. Мир за окном его девятиэтажки изменился за одну ночь. Люди перестали быть людьми, превратившись в безмолвных «улыбашек». Выжить можно только за высоким забором, под командованием деда — бывшего спасателя, для которого дисциплина теперь закон жизни. Вместе с друзьями горнолыжниками Арсению предстоит освоить новые «трассы»: пустые дома мертвого поселка, зараженные леса и дороги, ведущие в самое сердце катастрофы. Там, среди руин, их ждут не только смертельные опасности, но и столкновение с другими выжившими, страшная правда о природе вируса и тихое, хрупкое чувство, которое помогает не сойти с ума, когда рушится всё.

© Федорин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Триумф	5
Глава 2. Нулевой день	13
Глава 3. Дед	19
Глава 4. Горнолыжники	26
Глава 5. Забытая история	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пятнадцать крестов на опушке. Книга первая

Глава 1. Триумф

«Мы не победили ад. Мы просто построили в нём дом. И назвали это жизнью.»

11 января 2022 года

Холодное утро втиснулось между панелями девятиэтажек. Арсений стоял у подъезда, кусая губу. Призрак серебряной медали – той самой, что висела дома на гвозде, – давил на плечи невесомостью неудавшегося доказательства. Вчерашняя ссора с матерью оставила на сердце липкий, горький осадок. Он просто вернулся поздно. Не шлялся где-то – готовил лыжи к сегодняшнему старту. Обещал быть в девять, а пришёл в час ночи. Она не хотела пускать его на эти соревнования, кричала что-то про «бесперспективность» и «испорченную молодость». А он сбежал. Украдкой, как вор. И теперь должен был вернуться не просто с победой. Он должен был вернуть ей веру. В него, в его горные лыжи, в те девять лет жизни, которые он уже не мог вычеркнуть.

На улице его ждал дед, бывший майор МВД. Больше двадцати лет он отдал службе в органах, а выйдя на пенсию, не смог сидеть без дела – ушёл в спасатели, где копил опыт уже восемнадцатый год. Его машина, похожая на бункер на колёсах, дышала струйками пара в морозном воздухе.

Арсений запрыгнул в машину, и они тронулись в сторону базы «Аист», где его ждала команда и грозный взгляд тренера. Обычно в салоне царил сухой голос диктора, вещавший из магнитолы про замысловатые убийства – те самые детективы, которые дед обожал слушать, не обращая внимания на мир. Но сегодня было не до вымыслов. В эфире играли новости:

«Добрый день. В эфире – экстренные новости. Эпидемиологическая обстановка в мире остаётся напряжённой. В Азии продолжает распространяться новый, малоизученный штамм вируса...»

Арсений смотрел в окно на мелькающие знакомые дворы, вполуха ловя слова про карантинные зоны, завозные случаи в Москве, Сибири, на Урале и заверения властей, что всё под контролем. Магнитофон щёлкнул. Дед грубо выключил радио.

– Опять какая-то хрень начинается, – хрипло проворчал он, не сводя глаз с дороги. – Мало нам было вашего ковида... Теперь, видите ли, новая напасть. Только и знают, что жрать всякую гадость, а потом на весь мир чихают.

Он резко переключил передачу, будто пытаясь сбросить со счетов и вирус, и тревожные сводки. В машине воцарилась тяжёлая, неловкая тишина, которую не могли заполнить даже привычные детективные страсти. Воздух словно сгустился, и Арсений невольно подумал, что сегодня соревнуются не только они, горнолыжники, но и весь этот хрупкий, привычный мир – с чем-то невидимым и новым. Но мысль эта растаяла, как узор на стекле, едва они въехали на базу «Аист». Здесь пахло своим, святым: парафином и предстартовой нервозностью. На втором этаже, в их «горнолыжной» республике, уже бурлила жизнь.

Санёк, его правая рука, уже расставлял снаряжение по полкам с важным видом полководца. В свои семнадцать он был самым старшим в их связке, и это ощущалось во всём – в

спокойной силе, с которой он вскидывал на плечо две пары лыж, и в его немного усталых, знающих глазах. Он был их якорем.

– Петрович, живее! – крикнул он, заметив Арсения. – Чуть не проспал свою судьбу. Глянь, чё с Прохором – мнит себя богом Олимпа опять.

Прохор, тот самый «зубастик» из Верхней Салды, действительно стоял особняком. Высокий, с ослепительной и чуть высокомерной улыбкой, он натирал скользьяк новеньких, только что распакованных лыж – привилегия фаворита. Он поймал взгляд Арсения и кивнул холодно, без дружелюбия. Сегодня они не приятели. Сегодня они – соперники, и это было ясно без слов. А в углу, пытаясь запихнуть в сумку три термоса и четыре бутерброда, копошился Никитос. Вечный сгусток позитивной энергии и нелепых идей. В четырнадцать он был самым младшим и вечно попадал в курьёзные ситуации, но в гонке мог выдать неожиданно дерзкий результат, будто сама удача любила его хаос.

– Петрович! – обрадовался он, увидев друга, и протянул ему руку.

Внезапно тяжёлые шаги в коридоре заставили всех замереть. В дверь вошёл Анатолий Викторович, Папа Толя. Его дородная фигура казалась заполняла собой всё пространство. Взгляд, жёсткий и всевидящий, скользнул по каждому.

– Ну что, все готовы сегодня? – его бас пророкотал, разбивая тишину. – Петрович, ко мне. Остальные – загрузка.

Сердце Арсения ёкнуло. Он вышел за тренером в коридор. Папа Толя повернулся к нему, и в его глазах, обычно суровых, Арсений увидел не гнев, а усталую озабоченность.

– Петрович, – тихо начал тренер, отводя его в сторону. – Твоя мама звонила.

Холод пробежал по спине. Вот оно. Сейчас скажут, что всё кончено.

– Она сказала, что ты – упрямый осёл, – тренер усмехнулся одной стороной губ. – Но что она верит в тебя. И чтоб ты... – он сделал паузу, подбирая слова, – чтоб ты был осторожен. Не только на трассе. Вообще. Предчувствие у неё плохое.

Он махнул рукой, снова становясь прежним, нестигаемым Папой Толей.

– Ладно. Забыл. Сегодня твой день. Ты готов победить Прохора?

– Готов, – выдохнул Арсений, чувствуя, как камень с души сваливается и тут же заменяется другим – грузом ответственности.

– Иди. И, Сень...

Арсений обернулся.

– Не подведи её. И себя.

Вернувшись в комнату, он застал финальные приготовления. Санёк помогал Никитосу затянуть крепления.

– Ну что, – сказал Арсений, подходя к друзьям. – Погнали показывать этому салдинскому выскочке, где раки зимуют? Пошли лыжи грузить.

Санёк отбил ему кулак. Никитос нервно ухмыльнулся.

Выйдя на улицу, они быстро загрузили свои лыжи и направились в салон. Вместо привычной «газели» команду ждал рейсовый автобус, наскоро нанятый федерацией. В салоне пахло бензином, сыростью и напряжением.

Арсений втиснулся на сиденье рядом с Саньком. Тот не глядя сунул ему один из своих наушников. Вместо музыки – сдавленный голос диктора:

«...количество госпитализаций в Москве растёт. Власти отрицают необходимость карантина, однако ряд школ переведены на дистанционное обучение...»

– Выключи, – буркнул Арсений.

Санёк щёлкнул по телефону, но тревога осталась в воздухе, гуще табачного дыма от водителя. Автобус тронулся, выезжая из города. За окном мелькали уже знакомые тревожные картины: длинная очередь у аптеки, заброшенный пост ГИБДД, где теперь стояли люди в

белых масках, проверявшие что-то в грузовике. На электронном табло у дороги бежала строка: «ИЗБЕГАЙТЕ МАССОВЫХ СКОПЛЕНИЙ».

– Глянь-ка, – толкнул Арсения Никитос с заднего сиденья. Он тыкал пальцем в экран своего телефона, где в мессенджере трещала общая чат-группа. – Пишут, в школе №32 весь десятый класс на изоляцию забрали. Не грипп. Что-то новое.

– Чего херню всякую читаете? – рявкнул Папа Толя, проходя по салону. Он шёл, расталкивая локтями сумки, его лицо было гранитной маской. – На соревнования едем или куда? У всех телефоны на беззвучный!

Наступила нервозная, звенящая тишина. Прохор, сидевший через проход, уткнулся в свой дорогой смартфон. Арсений видел, как его пальцы быстро листали ленту новостей, а лицо оставалось непроницаемым, лишь челюсть чуть подрагивала. Всё это растворилось в дорожной дрёме, уступив место главному – склону, на который уже высадилась команда Нижнего Тагила.

Воздух на базе был густым от предстартовой нервозности, пахнувшей потом и парафином. Арсений, Санёк и Никитос, прижавшись спинами к деревянной лавочке, молча наблюдали за этой суетой. Слова были лишними – все девять лет вместе висели в воздухе между ними плотной пеленой: весёлые сборы, ночные блуждания по заснеженному Тагилу, совместные ночёвки, где они до хрипоты спорили о жизни

– Петрович, собирай своих и ко мне! – голос Анатолия Викторовича, заставил Арсения вздрогнуть. Тренер, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Сейчас будем обдуться. Приставлю к вам Дмитрия Вадимыча, дождётесь и вместе сходите.

Друзья, будто связанные одной невидимой нитью, синхронно кивнули и потянулись к своим вещам. Экипироваться на склон. Сама мысль об обдувке заставляла съёжиться. Никто в команде не любил этот садистский ритуал – врезаться на полной скорости в ледяную стену ветра, от которого дыхание замирало в груди.

– Мужики, готовы? – Арсений оглядел приятелей, и на его губах заплясала та самая, хитрая ухмылка, которая обычно предвещала какую-нибудь авантюру.

– Давайте прокатимся без него пару раз. Гляньте, Вадимыч всё ещё в одних носках.

Идея летала в воздухе, и ей не потребовалось даже секунды на обсуждение. Молча, как единый механизм, все трое развернулись и направились к своим лыжам – тем самым, что вчера готовили до поздней ночи.

У подъёмника их ждал чёткий, отточенный годами ритуал. Разминочные лыжи извлекли из чехлов, дав драгоценному пластику «подышать», впитать холод снега. Пока снаряжение привыкало к погоде, они принялись за разминку. Резкие повороты головы, скручивания корпуса, выпады – тело послушно отвечало на знакомые команды, мышцы разогревались, наполняясь кровью и силой. Лыжи, остыв, стали продолжением склона, готовые к бешеным скоростям. Но сама погода, казалось, решила проверить их на прочность: противный, порывистый ветер гнал с неба колючую снежную крупу, и от одной мысли, что сейчас придётся лицом к лицу встретиться этот ледяной шквал на скорости, по коже бежали мурашки.

Подъёмники, давно запущенные, гудели на холостом ходу. Спортсмены не спешили занять свои места, словно коллективно оттягивая неотвратимое. Трое друзей, не говоря ни слова, направились к бугелю.

Они приехали на самый верх. Отсюда, с поднебесья, Урал раскрывался во всей своей суровой красе. Снежные шапки вековых елей, знакомые до боли изгибы склонов – на это можно было смотреть вечно. Но вечности у них не было. В любой момент Вадимыч мог закончить с переодеванием, и тогда начнется та самая, неприятная обдувка.

– Давайте по «Жуковке», – предложил Арсений, и друзья, не говоря ни слова, развернули лыжи к знакомому спуску.

«Спортивка» была ровной и предсказуемой, идеальной для трассы. Но «Жуковка» с её коварными встречными склонами и неожиданными ухабами была настоящей, живой. Она проверяла не только технику, но и нервы.

– Может, всё-таки дождёмся Вадимыча? – в голосе Санька прозвучала неуверенность, несвойственная ему.

– Да мы тут просто замёрзнем. Спустимся вниз и там подождём, – парировал Арсений.

– Хорошо, – без возражений согласился Санёк.

– Никитос, давай ты первый. Потом Санёк, а я замыкающий.

Пока они спускались, цепляясь кантами за жёсткий снег, Арсений вдруг увидел – не глазами, а где-то внутри, как вспышку на плёнке – совсем другую картину. Мгновенный кадр: он сам, лихо сворачивающий к краю склона. Падение. Белое облако снега у старой сосны. И тишина.

Задумавшись он был уже у краю склона, там, где снег лежал нетронутым пушистым одеялом. Инстинкт, древний и острый, как кант, вдруг крикнул внутри: СТОЙ. Но тело уже было в движении, вложено в этот лихой вираж.

И тут мир надломился.

Не звук, не удар. Словно кто-то на долю секунды выдернул визуальную плёнку из реальности. Перед глазами Арсения вместо пушистого снега на миг проявилось, будто проекция на тумане: жёсткий, мёрзлый бугор, острый вывернутый корень, и его собственное тело, неестественно выгнутое у сосны. Запах хвои и железа ударил в нос, хотя вокруг пахло только морозом. Дежавю. Но не смутное чувство «уже было». Это было знание. Тактильное, леденящее, украденное из другого времени.

Кант лыжи, уже начавший зацепляться за невидимый ухаб, чудесным образом сорвался вверх, описав дугу над самым снегом. Сердце Арсения провалилось в пустоту и тут же выстрелило в горло бешеным стуком. Он пронёсся в сантиметре от рокового места, выкатившись на ровную укатанную местность с таким перегрузом, что в глазах потемнело. Он затормозил, и стоял, согнувшись, судорожно хватая ртом колючий воздух. Тело тряслось – не от холода, а от дикого, животного ужаса, смешанного с непониманием.

Что это было? Галлюцинация от переутомления? Или...

– Петрович! Ты чего, обалдел?! – испуганно кричал Санёк.

Арсений поднял голову. Он махнул рукой, показывая, что всё в порядке. Но внутри ничего «в порядке» не было.

Он медленно поднялся и посмотрел на то место у сосны. Там лежал лишь чистый, нетронутый снег. Никакого бугра. Никакого тела. Но в памяти, ярче любого воспоминания, горела картина падения. Его падения. Он знал, как это было бы: хруст, белая мгла в глазах, тишина.

– Петрович, ты в порядке? – уже совсем рядом раздался встревоженный голос Санька.

– Да, да... – Арсений отряхнулся, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Просто... споткнулся. Показалось.

Он не мог отвести глаз от сосны. В ушах, поверх свиста ветра, ему чудился другой звук – далёкий, искажённый крик. Возможно, свой собственный. Из той реальности, которая только что почти случилась.

– Пошли, – толкнул его под локоть Никитос. – Нас Вадимыч, наверное, уже ищет.

Они поехали к подъёмнику. Арсений оглянулся ещё раз. Сосна стояла безмолвная, безучастная. Хранительница секрета, которого не было. Или который был, но в другом месте. В другом времени.

На обратном пути вниз, цепляясь за бугель, Арсений ловил себя на мысли, что постоянно трёт большой палец о подушечку указательного. Проверая. Цел ли? Реален ли? Чувство было таким же, как когда просыпаешься от кошмара и несколько секунд не можешь понять, где сон, а где явь. Только этот кошмар пришёл к нему наяву. И оставил после себя не страх, а странную,

звонящую пустоту – будто часть его самого осталась там, в том неслучившемся падении, и теперь он был немножко легче, немножко призрачнее. И где-то в глубине сознания, холодной и точной каплей, упала мысль: а что, если я сегодня уже умер? И это всего лишь... продолжение?

На старте их уже ждал Дмитрий Вадимыч. Он стоял, засунув руки в карманы пуховика. – Ладно. Обдуться будем тут. По «Спортивке».

Пока они снимали куртки, Арсений снова почувствовал тот же холодок. Словно он вспоминал этот разговор из другого контекста – из мира, где риск на «Жуковке» уже был совершён. Он потёр пальцами виски. Что со мной? Перетренировался? Нервы?

Но когда он поднял голову, взгляд Вадимыча был пристальным, будто тот видел не этого, Арсения, а кого-то другого. Или его, но в другой момент времени.

– Всё, разделись, – молодой тренер забрал их вещи. – В стойку сели и просто прямо. До конца.

Друзья стояли в одних спусковых костюмах, ветер пробивал до костей. Они по очереди начали спуск.

Как только спуск был окончен внизу их ждал Вадимыч, он вернул им вещи и друзья быстро стали одевать.

– Все молодцы, ждите Толю – сказал он и уехал наверх

Через пятнадцать минут они выстроились у подъёмника. Мороз щипал щёки, снег хрустел под ботинками. Арсений поймал взгляд Прохора. И в этот миг, глядя на знакомые лица друзей и соперников, на синее небо над Белой горой, Арсений на секунду забыл и про ссору с матерью, и про тревожные новости из радиоприёмника, и про странный холодок страха у сосны. Здесь и сейчас существовал только снег, скорость и этот долгожданный, выстраданный шанс всё доказать. Не ей – себе. Что девять лет – не тупик. Что доверие Папы Толи – не ошибка. Что он здесь не зря.

Он глубоко вдохнул, вставил ноги в крепления и шагнул к бугелю. Холодный пластик упёрся в спину, потащил вверх.

Мир сузился до туннеля из голубых и красных вешек, мелькающих за бортом. Мысли отключились. Было только тело, помнящее каждую кочку, и лыжи, острые, как его собственная решимость.

Старт был близок, и он был готов.

Поворот за поворотом. Упор за упором. Лёд скрипел под кантами, ветер выл в шлеме. Он не думал о времени Прохора. Он чувствовал трассу, пропускал её через себя, как ток. Последний вираж перед финишным створом он прошёл не резаным поворотом, а яростным ударом, выжав из мышц всё до последней волоконки.

И тогда – финишный створ разрезал грудь, как лезвие. Резкий тормоз, вихрь снежной пыли, и на секунду – полная, оглушительная тишина, будто мир выключили. А потом его накрыло. Не боль. Не усталость. Триумф.

Он рухнул на спину, захватывая ртом ледяной воздух, и захохотал. Хрипло, беззвучно, срывая связки. Сквозь белое марево над головой пробивался голос диктора, но он ещё не слышал цифр. Он чувствовал только одно – чистую, огненную победу над самим собой. Он сделал это. Несмотря ни на что

– ФИНИШИРОВАЛ УЧАСТНИК ПОД НОМЕРОМ ДВЕНАДЦАТЬ! АРСЕНИЙ ФЕДОРИН! – голос диктора, обычно такой равнодушный, сейчас звенел, как удар хрустального колокола. – ВРЕМЯ... ОДНА МИНУТА ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ЦЕЛЫХ ДВАДЦАТЬ ДВЕ СОТЫХ!

Золото. Его золото.

Из динамиков понеслось что-то ещё, но он уже не слышал. Из-за финишного бордера к нему бежали, спотыкаясь по снегу, Санёк и Никитос. Их лица, перекошенные от восторга, казались самыми красивыми лицами на свете.

– Петрович! Ты сделал это, блядь! Чемпион! – Санёк, не в силах сдержаться, повалился на него сверху, и они, сплетаясь в один комок из комбинезонов, палок и лыж, несколько секунд беспомощно барахтались в снегу.

– С ума сойти... Ты обошёл Прохора... На полсекунды! – Никитос стоял над ними, и его голос дрожал.

Арсений оттолкнул Саньку и, всё ещё сидя, сорвал с головы шлем. В уши ударил настоящий мир: ветер, свист в собственной голове, крики с подъёмника, рёв моторов снегохода. Он провёл ладонью по мокрым волосам и увидел, как к ним тяжёлой, уверенной походкой идёт Анатолий Викторович.

Тренер остановился, глядя на него сверху вниз. Его лицо, обычно гранитная маска, было странно мягким. Он молча протянул руку. Арсений ухватился за неё, и мощная ладонь, шершавая от работы с лыжами, легко подняла его на ноги.

– Ну что, Петрович, – папа Толя по-отечески хлопнул его по щеке замёрзшей перчаткой. – Доволен?

Арсений не нашёл слов. Он просто кивнул, чувствуя, как предательский комок снова подкатывает к горлу. Девять лет. Девять лет дороги сюда, к этой минуте.

– Молодец, – тренер сказал это просто, без пафоса, но в этом одном слове было всё. Признание. Гордость. Отцовская любовь. – Поехали, герой. Награждение скоро.

Друзья помогли ему отстегнуть лыжи. Наливаясь свинцовой тяжестью, ноги еле держали. Но он был счастлив. Абсолютно, безраздельно счастлив.

Дорога обратно на базу в автобусе была похожа на полёт. Он сидел у окна, прижав горячий лоб к холодному стеклу, и смотрел, как мелькают заснеженные ели. В кармане куртки тупым, твёрдым кружком лежала медаль. Он то и дело нащупывал её пальцами, будто проверяя, не исчезла ли.

В салоне галдели, смеялись, хлопали его по плечу. Но постепенно шум стал отдаляться, превращаясь в равномерный гул. Глаза сами закрывались от дикой усталости и счастья.

И тут его резко дёрнуло изнутри.

Он не спал. Он видел – не лес за окном, а белый потолок. Не гул автобуса, а монотонный писк аппарата. Не запах пота и снега, а резкий, едкий дух хлорки и лекарств. Он лежал неподвижный. К горлу что-то давило, не давая вдохнуть. Сквозь узкую щель опущенных век он видел чей-то силуэт, тень. И чувствовал боль. Глухую, разлитую по всему телу, как свинцовый раствор в венах.

Он попытался пошевелить рукой, но не смог.

– Петрович, ты че, уснул? Приехали!

Чья-то рука грубо тряхнула его за плечо. Арсений вздрогнул и резко выпрямился. Сердце колотилось где-то в горле. Он обвёл взглядом салон – весёлые лица, смех, свои ребята.

– Да... да, – прохрипел он, сглатывая комок в горле. – Просто... вздремнул.

Он снова посмотрел в окно. База «Аист». Знакомый щит, фонари, суета.

Что это было? Сон? Галлюцинация от переутомления? Показалось.

Он вышел из автобуса, и морозный воздух обжёг лёгкие, вернув к реальности. Он потрогал медаль в кармане. Твёрдая, холодная, настоящая. «Просто нервы, – строго сказал он сам себе. – Просто нервы шалят.». И, отряхнув от себя остатки странного видения, он побрёл к раздевалке, где его ждали тёплый чай и звонок матери. Он должен был рассказать ей о своей победе.

Он достал телефон. На экране горели десятки уведомлений из общих чатов, но он пролистал их одним движением. Он знал, кому нужно позвонить первому.

Трубка взялась после первого же гудка.

– Мам... – его голос внезапно сорвался, и он сглотнул, заставляя себя говорить ровно.
– Мам, я выиграл. Золото.

С той стороны повисла секундная пауза, и он услышал сдавленный вздох. Потом голос матери, дрожащий от счастья и облегчения:

– Я знала. Я всегда в тебя верила, сынок. Я... – она заплакала, и он впервые за долгие месяцы не чувствовал себя виноватым из-за этих слез. Это были слезы гордости.

– Поздравляю, родной мой. Обещай, что будешь осторожен, когда поедешь обратно.

– Обещаю, – честно сказал он. – Дед встретит. Всё будет хорошо.

Они поговорили ещё минуту, и, кладя трубку, Арсений чувствовал, как каменная глыба, наконец-то свалилась с плеч. Он всё сделал правильно. Он доказал.

Выйдя на улицу дед уже ждал его у своего старенького внедорожника.

– Ну что, чемпион, – дед обернулся к нему, и в его глазах, обычно строгих, светилось редкое тепло. – Покажешь железяку-то?

Арсений молча достал медаль. Дед взял её в свою грубую, исчерченную морщинами ладонь, внимательно рассмотрел, взвесил.

– Весомая. Звонкая, – заключил он, возвращая награду. – Заслужил. Садись, поедем. Дома отметим.

Пока дед заводил машину, Арсений пристроился на пассажирском сиденье и в последний раз посмотрел на базу «Аист». Он был королём здесь.

Он закрыл глаза, и перед ним снова всплыло лицо матери, её улыбка, уважительный кивок Прохора. Он мысленно перебирал каждый момент этой победы.

И где-то на самом дне сознания, как заноза, шевельнулась та самая, нелепая и пугающая картинка: белый потолок, писк аппарата, чувство беспомощности.

Он резко открыл глаза и тряхнул головой, как бы отгоняя назойливую муху.

«Бред, – мысленно отрезал он сам себе. – Просто устал».

Дед включил свой любимый детектив, и монотонный голос диктора заполнил салон. Арсений откинулся на подголовник, глядя на мелькающие за окном огни родного города. Он был молод, силен, он был чемпионом. Впереди у него была целая жизнь. Машина деда мягко покачивалась на ухабах. Арсений, укачанный усталостью и мерным голосом из динамиков, уже почти провалился в дремоту, когда зазвонил телефон. Он вздрогнул и с трудом отлепил веки. На экране горело имя – «Анатолий Викторович».

Сердце на секунду ёкнуло. Тренер редко звонил лично после соревнований.

– Алло, Анатолий Викторович? – Арсений постарался, чтобы в голосе не было сонной вязкости.

– Привет. Поздравляю ещё раз. Проехал чисто. Молодец.

– Спасибо, Анатолий Викторович.

– Слушай сюда. Завтра, в семь утра, сбор на базе. Не опаздывать. Будем разбирать твой заезд по видео, плюс готовиться к слалому. Отдыхать некогда, расслабляться рано. Понял? 13 старт, хоть Прохор и силен в слаломе, ты тоже не пальцем деланный.

Арсений почувствовал, как по телу разливается знакомая, почти родная усталость. Бесконечная гонка продолжалась. Но сейчас эта усталость была приятной.

– Так точно, понял. Буду.

– Ладно. Передай деду, пусть не гонит. И... с победой..

Щелчок в трубке. Арсений опустил телефон и перевёл взгляд на деда.

– Папа Толя передаёт, чтобы не гнали. И завтра в семь сбор.

Дед лишь фыркнул, но скорость машины не изменил. Он ехал с той же уверенной, неспешной скоростью, с какой делал всё в жизни.

Через пятнадцать минут они подъезжали к дому. В окнах их квартиры горел свет. Арсений представил, как мама хлопочет на кухне, наверняка готовит что-то особенное, и его снова сжало тёплое, щемящее чувство вины и благодарности.

Дед заглушил двигатель и повернулся к нему.

– Ну что, чемпион, вылезай. Иди, мать ждёт. А медаль... – он сделал небольшую паузу, – медаль ты заслужил. По-настоящему. Горжусь тобой.

Эти слова, сказанные его всегда сдержанным дедом, значили для Арсения больше, чем все восторги друзей вместе взятые. Он просто кивнул, снова не в силах вымолвить ни слова, и вышел из машины.

Поднимаясь по лестнице, он вдруг поймал себя на том, что не идёт, а почти бежит. Ему не терпелось оказаться дома, в тепле, увидеть мать, положить эту звенящую медаль на стол и просто молча посмотреть на неё, осознавая, что всё это – не сон.

Он вставил ключ в замок, повернул. Дверь открылась, и его встретил знакомый запах домашней еды и чистоты.

– Мам, я дома! – крикнул он, снимая ботинки.

Из кухни вышла мать. Она стояла, вытирая руки о фартук, и смотрела на него. Не бежала обнимать, не сыпала поздравлениями. Она просто смотрела. И в её глазах Арсений прочитал всё – и гордость, и усталость, и ту самую вечную материнскую тревогу, которая никуда не девалась.

– Ну, показывай, – наконец сказала она тихо.

Он вынул медаль из кармана и протянул ей. Она взяла её так же, как и дед – бережно, внимательно, словно взвешивая не только металл, но и всю ту цену, что за него заплатили.

– Красивая, – выдохнула она и подняла на него глаза. – Я очень рада за тебя, сынок. Очень.

И тогда она обняла его. Крепко-крепко, по-матерински. И он почувствовал, как дрожат её руки.

– Всё, хватит, – она первая отпустила его, смахивая с ресниц предательскую влагу. – Ужин готов.

Позже, сидя за столом и уплетая мамины котлеты, Арсений чувствовал себя абсолютно счастливым. Он болтал без умолку, снова и снова пересказывая детали заезда, а мать молча слушала, лишь изредка задавая вопросы. Но когда он, наконец, умолк, в комнате повисла та самая, знакомая напряжённость. Победный фейерверк догорел, и наступила обычная жизнь со своими нерешенными проблемами.

– Завтра в семь утра сбор, – сказал Арсений, отодвигая тарелку. – Папа Толя позвонил.

Мать ничего не ответила. Она просто собрала со стола посуду и отнесла её на кухню. Краны включились, зашумела вода.

Арсений вздохнул. Война была выиграна, но отдельные бои ещё только предстояли. Он потянулся, чувствуя, как каждая мышца ноет от перенапряжения.

– Я пойду, душ приму.

– Иди, – донёсся с кухни её голос.

Сходя в душ, он направился в свою комнату, одел медаль на гвоздь и лёг в кровать. Сейчас он был просто уставшим пятнадцатилетним мальчишкой, который верил, что впереди – только взлёты.

Он щёлкнул выключателем, и комната погрузилась во тьму.

Глава 2. Нулевой день

Утро. Звон будильника в 5:30. Через час выезд на базу. Чтобы прогнать остатки сна, нужен был холодный душ – именно этим Арсений и планировал заняться в ближайшие пятнадцать минут. На удивление, на кухне горел свет и доносился стук ножа по доске. Мама, оказывается, тоже не спала. Она молча готовила ему бутерброды с собой и овсяную кашу быстрого приготовления – его любимую.

Быстрый, ледяной душ вышиб всю дремоту. Он почистил зубы, наскоро расчесал волосы и направился в комнату, чтобы собрать сумку для сегодняшней тренировки слалома. Всё было на своих местах: шлем, черепаха, защитные щитки и свежевystиранный комбинезон. Он уже представлял, как сегодня будет отрабатывать повороты перед днём соревнований.

Собравшись, он направился на кухню. На столе его ждала тарелка с дымящейся кашей и кружка зелёного чая – без сахара, с каплей молока, как учил отец. Вкус детства и привычки. Он ел, думая о трассе, когда на часах сменилось 6:15. И в этот момент телефон на столе дрогнул и загорелся. Уведомление: «Анатолий Викторович».

Арсений потянулся к аппарату. Это было голосовое в общий чат команды. Он включил его, поднося к уху. Вместо привычного, резкого тренерского баса из динамика донёлся усталый, сдавленный голос. Голос, в котором было что-то чужое – растерянность.

«Всем доброе утро. Всем, кто уже в пути – разворачивайтесь. Сегодня тренировки не будет. И соревнования тринадцатого... тоже отменяются.»

В кухне стало тихо. Мама замерла у плиты.

«Эта... зараза из Азии. Докатилась до нас. На базу пришёл приказ из санэпидемстанции – закрыть на карантин. У нас случай... есть случай заражения. Один из наших, не буду называть, в больнице. В тяжёлом состоянии.»

Арсений перестал жевать. Он уставился в стену, не видя её. По спине пробежал холодок, не от душа.

«Постараюсь решить вопрос с тренировками... в ближайшие дни. Не раньше. Поэтому вы два дня отдыхаете. Но не расслабляйтесь. Спина, пресс – не запускайте. По возможности – пробежки. Но... в людные места не ходим. Только свой двор, стадион, если пустят. Всё. Пока.»

Сообщение оборвалось. В чате на несколько секунд воцарилась мёртвая тишина.

Арсений медленно опустил телефон на стол. Он посмотрел на маму. Она смотрела на него, и в её глазах не было ни укора, ни торжества. Была только тяжёлая, горькая правда. Та самая, о которой она кричала вчера: «Испорченная молодость». Та самая, о которой ворчал дед в машине.

Зазвонил телефон – Белка, так он окрестил Санька. Арсений смотрел на вибрирующий экран, но не мог заставить себя ответить. Его взгляд упал на сумку у двери. Всё было готово к бою. Но враг оказался не на склоне. Он был невидимый. И он уже здесь.

На часах было 6:17. Весь его мир, выстроенный по минутам от подъёма до финиша, только что рухнул. И непонятно было, что делать дальше. Он сразу принялся набирать деду, в слабой, почти детской надежде, что тот ещё не выехал из гаража.

«Трубку, трубку, возьми...»

– Аллю, дед, ты ещё не поехал? – голос у Арсения прозвучал выше обычного.

– Привет. Собираюсь, машину только завёл, – отозвался на том конце ровный, спокойный бас. В фоне слышался равномерный звук двигателя на холостых. – Что такое?

– Тренировки не будет. Базу на карантин закрыли. Кто-то... кто-то из местных заразился. Обработка там сейчас.

С той стороны повисла секундная пауза. Потом тихое, сдавленное:

– Мать твою... Я тоже новости смотрел, – голос деда стал жёстче, деловым. В нём послышались знакомые интонации спасателя, оценивающего обстановку. – Эта зараза по России только так и распространяется. Влетает в одно место и всех подряд.

– Ну вот... – Арсений выдавил из себя, и его собственный голос прозвучал жалко и по-детски обиженно. Он тут же поморщился.

– Слушай сюда, боец, – дед перешёл на свой командирский тон, не терпящий нытья. – Без паники. Всё наладится. Ты же чемпион, а не салага. Государство говорит, вакцина почти готова. Так что пользуйся моментом – отдохни от тренировок. Спину, как там твой Толя говорил, качай.

Слова должны были ободрить, но почему-то стало ещё тяжелее. «Отдыхай» – когда вся жизнь была построена на движении вперёд, к следующему старту.

– Хорошо, дед... – Арсений слотнул. – Давай.

– Давай, внучок. И маме помогай.

Связь прервалась. Арсений опустил телефон и посмотрел на сумку у двери. Она стояла там, готовая, бесполезная. Тишина в квартире вдруг стала громкой. Слышно было, как капает вода из крана.

Мама вышла из кухни, вытирая руки о полотенце. Она не спрашивала. Она всё слышала.

– Значит, выходной? – просто сказала она.

– Выходной, – кивнул Арсений, отводя взгляд.

Он медленно пошёл в комнату. Солнце уже совсем поднялось, узкой полосой лёгшее на золотой медаль на гвозде. Она блестела, напоминая о вчерашнем триумфе, который теперь казался событием из другой, невозвратимой эпохи. Он потянулся, чтобы снять сумку с плеча, и вдруг почувствовал странную, непривычную тяжесть в собственных руках. Не от снаряжения. От пустоты. За окном, вдалеке, завывала сирена – то ли «скорая», то ли МЧС. Звон был чужим и тревожным в утренней тишине спального района. Иллюзия нормальной жизни дала первую, едва слышную трещину.

Арсений вспомнил о пропущенном звонке Санька и перезвонил. Тот взял трубку почти мгновенно.

– Да, Сань, видел новости? – спросил Арсений, глядя в потолок.

– Да видел, Петрович, – в голосе Санька была знакомая, чуть натянутая бравада. – Походу, зомби-апокалипсис начинается. – Он попытался рассмеяться, но смех вышел коротким и сухим.

– Ещё нам его не хватало. Когда ковид только стрельнул – так же было, – констатировал Арсений, сам удивляясь своему спокойному тону. Как будто он уже принял, что мир теперь будет периодически сходить с ума.

– Да я шучу, чё, – Санёк тут же сбросил маску шутника. – Встретимся, а? На районе. Сидеть в четырёх стенах – с ума сойдёшь.

– Да, давай, – Арсений почувствовал, как его веки наливаются свинцом. Адреналин вчерашней победы и сегодняшнего шока окончательно кончился. – Только я сначала посплю немного. Раз выходной.

– Да я тоже пойду дрыхнуть, – Санёк легко согласился, и в его голосе слышалось такое же облегчение – отложить, не думать. – Напишешь, как встанешь.

– Ага.

Арсений положил телефон на тумбочку и повалился на кровать. Мягкий матрас принял его тело, привыкшее к жёстким раскладушкам на сборах. Он закрыл глаза, и мир сузился до полоски света под веками. Снаружи доносились обычные звуки – голос матери в телефоне на

кухне, гул лифта в подъезде, мяуканье чужого кота. Он провалился в сон почти мгновенно, как в глубокую, тёмную воду. Но это не был спокойный отдых. Сон был беспокойным, прерывистым. Ему снились обрывки: белый свет фар дедовой машины в темноте, кривая улыбка Прохора на старте, и тот самый писк – монотонный, настойчивый, как из вчерашнего видения в автобусе. Во сне он снова пытался пошевелить рукой и не мог. В ушах стоял голос Вадимыча, но говорил он что-то непонятное, на иностранном языке.

Он проснулся резко, от собственного вздрагивания. В комнате было светло. Солнце светило и теперь било прямо в глаза. Он потянулся к телефону. Три часа. Он проспал три полных часа, но чувствовал себя разбитым, будто не спал вовсе. Во рту был горький привкус, а на шее – холодный след от пота. Он сел на кровати, потёр лицо ладонями. Тишина в квартире была теперь другой – не утренней, а послеобеденной, застывшей. За окном никто не играл в футбол во дворе. Не слышно было даже машин. Словно и правда весь город заснул. Или затаился.

Он взял телефон. Ни новых сообщений от тренера, ни тревожных новостей. Только один мем от Никитоса в общем чате: картинка с котиком в противогазе и подпись «Готов к отменённым тренировкам». Даже шутки стали какими-то плоскими, как будто смех больше не работал.

Арсений написал Санёку коротко: «Встал. Где встречаемся?»

И, отправив сообщение, впервые за долгое время почувствовал не радость предвкушения встречи с другом, а лёгкий, холодный укол страха. Страх выйти из этой комнаты, из этой призрачной безопасности четырёх стен, в новый, непонятный мир, где правила игры сменились неизвестно на какие.

Санёк быстро дал ответ: «У гаража, как обычно».

Арсений позвонил Никитосу, тот лишь пробормотал что-то сонное, но тоже согласился. Мир рушится, а места сбора подростков остаются неизменными.

Мать с отцом были дома. Отец, генеральный директор своей же компании, сегодня впервые за полгода решил, что суббота – это всё-таки выходной. Он сидел в гостиной с ноутбуком, но не работал, а смотрел какой-то сериал – пустая, несвойственная ему трата времени. Мать и двухлетняя сестрёнка спали в спальне, безмятежно, в полной тишине. Весь дом дышал иллюзией мирной, обычной субботы.

Арсений оставил на кухне записку «Ушёл гулять, с ребятами», прижал её кружкой и вышел, стараясь не хлопнуть дверью.

И тут его встретил парадокс.

Из окна улица казалась вымершей. Но стоило выйти за порог – мир оказался полон людей. Их было много. Необычно много для январского утра в их районе. Люди выгуливали собак, шли с авоськами из только что открывшегося супермаркета, молодые родители катили коляски. Никакой паники. Никакой спешки. Даже смех доносился из-за угла. Солнце, редкое для уральской зимы, ярко светило, отражаясь в чистых стёклах машин. Воздух пах не страхом, а морозцем, бензином и свежим хлебом из соседней пекарни. Это было так нормально, что стало жутко. Как будто он один видел трещину на фасаде, а все остальные упрямо делали вид, что дом ещё простоит века.

Он пришёл к гаражному кооперативу – их старой, ещё детской «штаб-квартире». Никитос и Санёк уже ждали, прислонившись к ржавым воротам. Санёк что-то жевал, Никитос нервно щёлкал зажигалкой, хотя не курил.

– Здорова, мужики, – бросил Арсений, подходя и протянув руку.

– Здорова, – хмуро ответил Санёк. Он выглядел серьёзнее обычного. – Видел, сколько народу? Будто ничего и не происходит.

– Ага, – Никитос кивнул на улицу. – Мои родители тоже – с утра в магазин рванули, скупили полотенца, гречку и три пачки соли. А теперь мама печёт пирог. Типа, раз запаслись, можно и расслабиться.

– У меня дед говорит, вакцину вот-вот выпустят, – сказал Арсений, но в его голосе не было уверенности. Он сам не верил в эту скорую вакцину. Он верил только в то, что видел: базу на карантине, испуганный голос тренера.

– Бред, – Санёк сплюнул. – Пока её сделают, пока раскатают... Мы тут все переболеем. Или...

Он не договорил. Все и так поняли «или». Тишина повисла тяжёлым одеялом. Шутки про зомби-апокалипсис больше не казались смешными. Они казались пророческими.

– И что будем делать? – тихо спросил Никитос, впервые за всё время глядя на них не как на старших товарищей, а как на равных. На таких же потерянных.

– Ждать, – Арсений пожал плечами, чувствуя беспомощность этого слова. – Тренироваться... как-то. Держать форму.

– А если соревнования вообще все отменяют? Навсегда? – Никитос посмотрел на Арсения, и в его глазах был немой вопрос: «А ради чего тогда все эти девять лет?»

Арсений не нашёл, что ответить. Он посмотрел на небо – ясное, холодное, безучастное. На гаражи, на знакомые с детства граффити. На обычных людей, идущих по своим обычным делам. И вдруг с предельной ясностью понял: это – затишье. Последний день старого мира. А что будет завтра – не знает никто. Ни его родители, ни дед.

– Давайте просто погуляем, – наконец сказал он, отталкиваясь от ворот. – Пока можно.

Они пошли вдоль гаражей, не зная куда. Без цели. Впервые за много лет у них не было плана ни на сегодня, ни на завтра. И в этой пустоте было страшнее, чем в самом жёстком спуске на «Жуковке». Там хотя бы знал, где поворот.

А здесь – не знал никто.

Прогулка продлилась до вечера. Она была обыкновенной – как сотни таких же до неё. Они слонялись по району, зашли в круглосуточный магазин, купили пачку чипсов «со вкусом краба» и по банке дешёвого энергетика, который жёг горло, но давал иллюзию бодрости. Они смеялись над тупыми видео в телефоне у Никитоса, спорили о том, чья игра круче, и почти – совсем почти – забыли про карантин, закрытую базу и странный вирус из новостей. Это был последний, хрустальный день нормальности, и они неосознанно выжимали из него всё.

Расстались у подъезда Санька. Арсений побрёл домой, ощущая приятную усталость в ногах и пустоту от съеденных чипсов под языком.

Во дворе его дома, на лавочке у детской песочницы, сидел мужчина. Он сидел ссутулившись, опустив голову так низко, что лица не было видно, только тёмный капюшон. Одна рука бессильно свисала между колен. Он не шевелился. На снегу рядом с лавкой валялась пустая пластиковая бутылка.

Арсений замедлил шаг. Что-то было не так. Мужчина казался неестественно неподвижным. Не так спят. Не так отдыхают. Прошла секунда, другая. Мужчина не пошевелился. «Пьяный», – резко и почти с облегчением решил Арсений. Просто пьяный, каких зимой полно. Он отвёл взгляд, ускорил шаг и почти пробежал в подъезд, щёлкнув дверью за собой. Сердце почему-то колотилось.

Дома пахло ужином. Отец дорабатывал что-то за ноутбуком, мама укладывала сестрёнку. Всё было на своих местах. Записка на столе лежала нетронутой.

– Ну как, погулял? – спросила мать, выходя из детской.

– Нормально, – буркнул Арсений, снимая куртку. Он не стал говорить про мужчину. Сам не знал почему.

Он принял долгий, горячий душ, смывая с себя холод дня и липкое, необъяснимое чувство тревоги, которое прицепилось к нему у лавочки. Пар запотевал зеркало, вода шумела в ушах – это были знакомые, успокаивающие звуки дома.

Лёг в кровать. В комнате было тихо и темно. Он лежал, глядя в потолок, где от уличного фонаря плясали знакомые тени. Сегодня ничего страшного не случилось. Тренировку отменили – бывало и не такое. Прогулялся с друзьями – как всегда. Видел какого-то бомжа у подъезда – дело житейское.

Он перевернулся на бок, уткнувшись лицом в подушку, и силой воли стал гнать от себя образ того неподвижного, ссутулившегося силуэта на лавочке. «Пьяный. Просто пьяный. Завтра встану, и всё будет как обычно». Сознание медленно поплыло, унося его в сон. Последней мыслью, проскользнувшей перед отключкой, было: «А что, если не пьяный?..» Но мысль эта растворилась, не успев оформиться. Ночь накрыла город – пока ещё тихий, спящий, не подозревающий, что его последний обыкновенный вечер только что закончился.

На часах было 9:23. Арсений встал с кровати и побрёл в туалет, мочевого пузырь давал о себе знать. Сделав свои дела, он направился на кухню и поставил чайник. Все так же были дома – отец, мать и его сестра. Они ещё спали. Чайник начал кипеть, и Арсений машинально выглянул в окно. И увидел того же мужика. Он так же сидел на лавочке. В той же позе. Как будто не двигался всю ночь. Холодная дрожь пробежала по спине Арсения. Его пальцы, только что тянувшиеся к кружке, застыли в воздухе. Чайник выключился, издав глухой щелчок, но он его не слышал. За стеклом, в морозной дымке утра, разворачивалась немая, нелепая пантомима, в которую его мозг отказывался верить.

Незнакомый мужчина в пуховике шёл мимо, уткнувшись в телефон. Мужик на лавочке... дёрнулся. Голова, до этого бессильно свисавшая, резко взлетела. Лица не было видно – только чёрная дыра капюшона, обращённая на прохожего. На секунду всё замерло. Два силуэта в зимнем дворе.

А потом человек с лавочки сорвался с места.

Движение было неестественно резким, порывистым, как у марионетки с оборванными нитями. Он не побежал – он рванул, короткими, какими-то скрюченными шагами. И в следующее мгновение вцепился в прохожего.

Арсений не разобрал – упали они или нет. Он увидел только одно: тёмный капюшон прижался к шее другого человека. И держался там. Не как в драке. Как... присосавшийся клещ. Ярко-алая кровь проступила на белом снегу, растекаясь быстрым, чудовищным пятном. В ушах у Арсения зазвенела абсолютная, оглушающая тишина. Звон перекрыл всё: шум холодильника, тиканье часов, собственное дыхание. Он стоял, вцепившись пальцами в холодный подоконник, и не мог оторвать взгляда от двух слипшихся фигур.

Он ждал крика. Удара. Чего угодно. Но было тихо.

Потом мужчина в капюшоне оторвался. Он поднялся, не глядя на свою жертву, которая теперь лежала лицом в снегу, дергаясь в тихом, страшном припадке. Человек в капюшоне обернулся. И посмотрел прямо на окно. Прямо на Арсения. Лица по-прежнему не было видно. Только тёмный провал. Но Арсений почувствовал на себе этот взгляд. Пустой. Ненастоящий. Нечеловеческий. Человек в капюшоне сделал шаг в сторону подъезда. Потом ещё один. Щелчок. Арсений инстинктивно отпрянул от окна, спрятавшись за стену. Сердце колотилось так, что давило на рёбра изнутри. Он прислушался. С улицы не доносилось ничего. Ни криков, ни сирен. Только его собственное прерывистое дыхание. Он осторожно, одним глазом, выглянул снова. Двор был пуст. На снегу возле лавочки лежало только одно тело. И алое пятно, которое становилось всё больше.

Человек в капюшоне исчез.

Арсений отшатнулся, спина ударилась о край стола. Он стоял посреди кухни, в тишине спящей квартиры, и понимал, что больше не может убежать от правды.

Вчерашний вечер не был последним обыкновенным днём. Обыкновенные дни закончились прямо сейчас. Они кончились тихо, под его окном, пока его семья спала, а вода в чайнике

остывала. Его мир, с его графиком тренировок, соревнованиями, ссорами с мамой и вчерашней победой – не треснул. Он разбился вдребезги.

И теперь ему предстояло жить среди осколков.

Глава 3. Дед

«Повторяем, в связи с экстраординарной ситуацией... просим сохранять спокойствие... сборные эвакуационные пункты...»

Голос из телевизора резал тишину, как ножом. На экране мелькали кадры, от которых кровь стыла в жилах: люди в скафандрах, чёрные мешки, перевёрнутые машины. Мама, бледная как мел, прижимала к себе сестрёнку. Отец стоял у окна, сжав кулаки, и смотрел на автобусы, которые уже подъезжали к их подъезду. Именно в этот миг завыл телефон. Вибрация разорвала тяжёлый воздух. На экране – одно слово: «Дед».

Арсений рванул к аппарату, предчувствуя, что это последняя ниточка к нормальности.

– Дед! – выдохнул он в трубку.

На том конце не было привычного спокойного баса. Был хриплый, сдавленный от напряжения голос, который Арсений слышал разве что в детстве, когда дед ругался по работе.

– Сын... Ой, блядь, Арсений, – дед выругался, и это прозвучало страшнее любой сирены. Он никогда не матерился при внуке. Никогда. – Слушай сюда и не перебивай. В зону эту, на «Юность», не смей идти и ехать. Слышишь? Скажи своим родителям. Не смейте.

– Почему, дед? – голос у Арсения задрожал. – Там же... они говорят, безопасно. Могут силой забрать...

– Не могут они нихера! – рявкнул дед так, что Арсений инстинктивно отодвинул телефон от уха. – Это не эвакуация, Сень. Это сортировка. Контейнер. Мои дежурные спасатели только что доложили – там уже творится ад. Людей с признаками – в один ангар, якобы на изоляцию. Здоровых – в другой. И ждут. Ждут, пока первые передохнут или перестанут представлять угрозу. Оттуда, – голос деда стал ледяным и абсолютно точным, – живым, я чувствую, не выбраться. Это мышеловка, внук. Понимаешь? Мышеловка.

Ледяная волна прокатилась по спине Арсения. Слова деда ложились поверх ужаса, который он видел в окне, и картина становилась чудовищно ясной. Не спасение. Сортировка. Как больных овец.

– Понял, – выдавил он, и собственный голос показался ему тонким, как струна. – Собираемся.

– Быстро, – отрезал дед. – Уже своим обычным, командным тоном. – Буди родителей. Минимум вещей. Только документы, лекарства, тёплую одежду, еду, что есть под рукой. Вода у меня есть. Генератор есть. Дом крепкий. Отсидимся первое время, пока эта вакханалия не уляжется. Ехать только ко мне. Понял? Это приказ.

– Так точно, – автоматически ответил Арсений, как на тренировке.

Он бросил телефон на диван и развернулся к родителям. Их лица были масками ужаса и непонимания.

– Это дед, – сказал Арсений, и его голос впервые за этот кошмарный день звучал не как голос ребёнка, а как голос того, кто принимает решение. – Мы не едем на стадион. Мы едем к нему. Сейчас.

Арсений высыпал содержимое своей огромной горнолыжной сумки на пол. Перчатки, шлем – всё это было теперь хламом, реликвиями мёртвого мира. Он швырнул пустую сумку в коридор.

– На сумку! – крикнул он, и его голос прозвучал так же командующе, как у деда в трубке. – Туда всё: лекарства, крупы, консервы! Мам, мороженое мясо из морозилки бери!

Мать, кивнув, бросилась на кухню, её движения стали резкими, отточенными страхом.

Пока она грузила сумку, Арсений, одной рукой набивая рюкзак тёплыми вещами и водой, другой набирал друзьям. Пальцы дрожали. Первым ответил Санёк.

– Сань, не смей ехать на эту эвакуацию! Не смей, брат! – Арсений почти кричал в трубку, перекрывая шум из телевизора.

– Почему? Мы уже чемоданы к дверям тащим...

– Там пиздец, брат! – выдохнул Арсений, вжимаясь в стену, будто мог передать ужас через связь. – Дед сказал – едешь туда, верная смерть. Всех в один контейнер и ждут, пока друг друга не перебьют или не сдохнут! Едь к моему деду, помнишь, где мы в Новый год тусовались?

На той стороне повисла тяжёлая пауза. Потом голос Санька, сдавленный спором с кем-то на заднем плане:

– Но батя говорит, надо властям верить...

– Саня, блядь! – Арсений вложил в крик всю ярость и страх. – Хочешь сдохнуть – езжай! Хочешь шанс – разворачивай всех и ко мне, к деду! Решай, сейчас!

Ещё секунда молчания. Потом короткое, как выстрел:

– Хорошо. Едем к вам.

Связь прервалась. Один.

Следующим, на удивление быстро, ответил Никитос. В трубке слышались всхлипы его матери.

– Брат, к деду моему едь, не надо в зону! – Арсений уже не кричал, говорил быстро, чётко, как доклад.

– А чё так? Там же... безопасно вроде... – голос Никитоса был потерянным, детским.

– Блядь, ещё одному объяснять, – прошипел Арсений, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы. – У деда там спасатели на связи. Это не эвакуация – сортировка. Всех в один сарай. Кто кого съест – тех и выпустят. Там смерть, мужик. Понимаешь?

– Ахуеть... – тихо протянул Никитос.

– К деду. Адрес скину. Выдвигайтесь, пока не перекрыли.

– Окей... выезжаем.

Арсений, не отрывая телефон от уха, одной рукой скинул Никитосу геометку дедового дома. Два.

Осталась... она. Его девушка. Сердце сжалось, стало больно дышать. Он набрал её номер, прижав трубку к уху так сильно, что начало болеть.

Гудок. Один. Два. Пять. Десять.

«Бери трубку, беруши сними, проснись, пожалуйста...»

Двенадцать гудков. И потом – не её голос, не даже голос почты. А ровный, бесчувственный, металлический голос робота:

«Абонент временно недоступен».

Набрал ещё раз. Тот же холодный ответ.

«Абонент временно недоступен».

Мир вокруг на секунду пропал. Остался только этот голос. «Недоступен». Это могло означать что угодно. Села батарея. Выключила телефон от страха. Или... или её уже нет в зоне доступа. В том «контейнере». Или что-то хуже.

– Арсений! – отец тряхнул его за плечо. – Всё, мы готовы. Они уже в подъезде. Надо бежать. Сейчас.

Арсений опустил руку с телефоном. На экране всё ещё горел номер и надпись «Недоступен». Он сунул аппарат в карман, чувствуя, как внутри образуется новая, свежая пустота. Раньше она была из-за отмены соревнований. Теперь – из-за этого тихого, роботизированного голоса в трубке.

Он взвалил на плечо свою огромную сумку, набитую теперь не спортивным снаряжением, а консервами и гречкой. Мать, прижимая к себе завернутую в плед сестрёнку, несла рюкзак. Отец – чемодан с документами и тяжёлую коробку с патронами. Все родственники отца были охотниками и его наградили этим даром. В доме у него было восьмизарядное ружье.

Они крадучись вышли через чёрный ход в подвал, пахнувший сыростью и страхом. Холодный воздух ударил в лицо. Их машина стояла в дальнем углу двора. Отец, не включая свет, завёл мотор. Звук казался невероятно громким в звенящей тишине.

Машина, пригнувшись, выкатилась на задворки, подальше от света фар автобусов и синих мигалок. Арсений, прижавшись лицом к ледяному стеклу, смотрел, как уплывает его дом, его улица, его город. В кармане тяжело лежала медаль, которую он зачем – то прихватил собой, и безмолвно молчал телефон.

Они ехали по тёмной, заснеженной дороге к деду. К крепости. К началу новой, тёмной главы. А в душе у Арсения, поверх страха за семью и друзей, поселился новый, тихий и чёрный ужас – ужас перед двумя словами: «временно недоступен».

Посёлок «Фатеево» считался самым престижным в городе. Здесь жили не просто богатые – здесь жили те, кто городом и правил. И дом деда с бабушкой был одним из самых внушительных здесь – не дворец, а мощный, четырёхэтажный кирпичный особняк за высоким кирпичным забором с воротами. Это была не дача, а крепость. Её построили дед и бабушка, Лариса Викторовна – та самая «большая шишка» и генеральный директор сети фирменных магазинов. Её товары – французская косметика, итальянская посуда, немецкая техника – были в городе синонимом недоступной роскоши. Теперь эта роскошь, наверное, никому не была нужна. Но дом, построенный вместе с дедом, стал их главным козырем.

Машина отца, пробираясь по заснеженным улицам посёлка, наконец, свернула на знакомую улицу. Арсений, прильнув к окну, увидел дом – и замер.

У железных ворот, освещённый тусклым светом фонаря, стоял дед. В своей старой телогрейке, в ушанке, он опирался на лопату, как на винтовку. Рядом с ним, прислонившись к стене, стояло самое неожиданное и желанное зрелище – его собственная, выдавшая виды «Mitsubishi».

У самого забора стояла ещё одна машина – дорогой седан его дяди Ильи, брата матери. Крёстный отец Арсения. В салоне мелькали силуэты – значит, тётя Света и двоюродная сестра тоже здесь. И прямо за ними, как по команде, замерли ещё две знакомые машины. Потрёпанная «BMW» Никитоса и старенькая, но ухоженная «Kia Rio» Санька. Они успели. Они его послушали.

Дед, увидев их фары, не замахал, не побежал открывать. Он лишь кивнул, тяжёлым, утвердительным кивком, и ткнул лопатой в сторону ворот, давая отцу понять: проезжай, за тобой закрою. Отец медленно въехал на утопанный двор. Арсений выпрыгнул первым. Морозный воздух ударил в лицо, но здесь он пах не страхом, а дымом из трубы. Двор был не сильно большим, и плохо освещён. Из дома, обмотанная пуховым платком, выбежала бабушка. Не было и намёка на генеральскую чопорность. Было просто лицо родного, испуганного человека.

– Живы! Слава Богу! – она схватила мать в охапку, прижала к себе сестрёнку. – Заходите, в доме тепло, камин растопили.

Из машин одна за другой вылезали остальные. Дядя Илья, молча, по-мужски обнял отца. Вышли тётя Света и двоюродная сестра трёх лет, которых тут же утатила в дом бабушка. И, наконец, открылись двери «BMW» и «Kia Rio».

Санёк вылез первый, лицо у него было серым от усталости и напряжения. За ним – его родители, выглядевшие потерянно и неверяще.

– Петрович, – только и сказал Санёк, увидев Арсения.

– Сань, – кивнул Арсений, и в этом кивке было всё: спасибо, что поверил, что жив, что добрался.

Из «BMW» выполз Никитос. Он выглядел так, будто только что пережил аварию. За ним – его мать, вся в слезах, и отец, который молча, с бешеной силой, хлопнул Арсения по плечу. Без слов. Этот удар говорил больше любых благодарностей.

Дед, закрыв ворота и задвинув тяжёлый железный засов, обернулся ко всем собравшимся. В свете дворового фонаря его лицо, изборождённое морщинами, казалось высеченным из гранита.

– Ну что, – его голос гулко прокатился по тихому двору. – Все, кто должен был быть, тут. Живы. Это главное. Теперь слушайте все.

Он обвёл взглядом кучку людей – свою разросшуюся в час катастрофы семью.

– Этот дом – теперь наша крепость. Вода из скважины есть. Генератор на солярке есть, топлива месяца на два. Еды, пока не объединили запасы, тоже недели на три. Правила простые: ночью – свет только свечи, чтобы не демаскироваться. Выход за забор – только по моей команде и только с оружием. Вопросы есть?

Вопросов не было. Было только молчаливое, шоковое согласие. Они, обычные люди – бизнесмены, бухгалтеры, спортсмены, школьники – только что стали гарнизоном осаждённой крепости. Арсений стоял среди них, глядя на освещённые окна большого, тёплого дома. Здесь были его родные. Его друзья. Здесь было безопасно. Но в кармане у него лежал телефон, который так и не дозвонился до самого важного человека. И где-то там, в чёрном, захлёбывающемся городе, на стадионе «Юность», в «контейнере», или просто в холодной квартире с севшим телефоном, была она. И он знал, что эта крепость, этот островок безопасности, будет стоять ему другого. Ценой будет этот тихий, леденящий душу вопрос, на который сейчас не было ответа.

Все зашли в дом. Бабушка заварила чай и усадила всех в большой комнате за стол. Дед стоял перед столом, как на командирском совете. За его спиной трещал огонь в камине, бросая прыгающие тени на его суровое лицо. Тишина в комнате была гулкой и напряжённой, прерываемой только тихим посапыванием сестрёнки у матери на руках.

– Короче, мы в жопе, – начал дед без предисловий, и эти грубые слова в уютной столовой прозвучали как приговор. – Эти придурки из правительства со своей идеей с контейнерами обосрались. Всеми силами.

Он сделал паузу, дав словам осесть. Все сидели, замерев. Арсений почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Его предчувствие у окна оказалось леденяще точным.

– Контейнер с людьми, у которых были признаки, прорвали заражённые. «Больные». Как их теперь называть – не знаю. – Дед сжал кулаки, костяшки пальцев побелели. – По итогу там никого не осталось в живых. Ни тех, кого поместили. Ни охраны. Все, кто были, погибли. Ни оружие, ни хера им не помогло.

Вздых прошёл по столу. Мать Санька тихо ахнула, прикрыв рот ладонью.

– Мои ребята... – голос деда на секунду дрогнул, но тут же стал снова железным, – мои ребята все там остались. Но успели доложить. В последний момент. – Он посмотрел на старый радиостанционный приёмник, стоявший на полке. – Что они увидели... Эти новые люди. Они не слышат ни хера. Уши у них... зарастают. Буквально. Как будто тело отключает лишнее. И очень... очень агрессивные.

Он снова замолчал, собираясь с мыслями, подбирая слова для самой страшной части.

– Это какой-то вирус. Не как грипп. Он... бьёт по нервной системе. Прямо в мозг. Человек полностью теряет контроль. Не думает. Не говорит. Только... двигается. И кусается. Как бешеная собака, только хуже. Передаётся только через слюну. Укусы. Поцелуи. Плевки. Всё, что связано с этим. – Он посмотрел прямо на Арсения, будто проверяя, понимает ли он. – По

воздуху не летает. Воздушно-капельным – нет. Это не про чихание. Это про контакт. Прямой и близкий.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как потрескивают поленья в камине.

– Значит... – тихо начал отец, но дед перебил его.

– Значит, правила меняются. С сегодняшнего дня каждый ссанный порез, каждая царапина – под контролем. Если кто кого-то укусил или облизал – это красный уровень. Изоляция немедленная. Двери в дом – всегда на запоре. Окна первого этажа – забраны решёткой. Мы не в гостях. Мы в осаде. И осаждают не солдаты. Осаждает сама природа, которая сошла с ума. Понятно всем?

Вокруг стола промелькнули кивки. Испуганные, но решительные. Санёк обменялся с Арсением взглядом. В глазах друга Арсений прочитал то же, что чувствовал сам: животный страх, но и странное, горькое облегчение. Враг теперь был осязаем. Не абстрактный «вирус», а конкретное чудовище, которое не слышит и кусается.

– И ещё что, дед? – спросил Арсений, и его голос прозвучал хрипло. – Они... умные? Координируют действия?

Дед покачал головой

– Нет. По словам ребят, действуют как стая голодных волков. Чуют добычу и идут напролом. Страх нет. Боли, кажется, тоже. Убить можно только поражением мозга или позвоночника. Обычное ранение их только злит.

Он обвёл взглядом всех собравшихся, от взрослых до детей.

– Так что забудьте про жалость. Там, за забором, уже не люди. Это биологическое оружие, ходячее. И наша задача – не дать ему прорваться внутрь. Не стать едой. И... выжить. Пока этот ад не кончится. Если кончится.

Он закончил. В комнате повисло тяжёлое молчание, которое было громче любых слов. Бабушка разлила чай по кружкам. Они сидели, глядя на пламя в камине, и каждый понимал: мир за стенами этого дома перестал существовать. Началась новая эпоха. Эпоха выживания. И первый урок в ней только что прозвучал из уст старого майора-спасателя.

Арсений сжал в кармане медаль. Теперь она казалась не трофеем, а печатями на билете в этот новый, чудовищный мир. И он понял, что его старая жизнь – спорт, школа, ссоры с мамой – умерла окончательно. Теперь у него другая цель. Не победить на трассе. Просто дожить до завтра.

Четырёхэтажный дом гудел, как растревоженный улей. На каждом этаже, в каждой комнате, селились свои люди – семья дяди Ильи, родители Санька и Никитоса, бабушка с дедом на первом этаже, как капитан и штурман на своём посту. Арсений выбрал котельную. Не из-за аскетизма, а потому что тут можно было дышать. Тут не пахло страхом, как в перенаселённых комнатах, а запахом старого кирпича, машинного масла и спокойной, надёжной работы котла. Дедов старый кожаный диван у стены был похож на трон из забытой эпохи.

– Петрович.

К нему подошли друзья, выглядя потерянно в этом новом, нелепом быте апокалипсиса.

– Можно с тобой тут? – спросил Никитос, – Там... с пенсионерами и малышами – желания нет.

– Да конечно, мужики, – Арсений кивнул. Здесь, в котельной, они могли быть собой. Не выживальщиками, не обузой, а просто тремя пацанами. – У деда в гараже есть две старые раскладушки. Поможете перетащить?

Работа закипела. Тащили железные скрипучие конструкции, ругаясь и подкалывая друг друга. Расставили так, чтобы у каждого был свой угол, свой кусочек иллюзорного личного пространства в этом общем кошмаре.

– А матрасы чё? – Никитос пнул ногой голые пружины раскладушки. – Как спать-то? На дереве?

– Щас, не переживай, – Арсений усмехнулся. – Бабушка же всё продавала. И матрасы тоже должны быть.

Он поднялся наверх, в мир шёпота взрослых и плача детей. Быстрый, тихий разговор с бабушкой – и в его руках оказались не просто матрасы. Два комплекта итальянского постельного белья, хрустящего, с едва уловимым запахом лаванды и безумной цены из прошлой жизни. Абсурдный артефакт роскоши в подвале конца света.

– Пацаны, пошли за матрасами!

Дружный, почти что спортивный подъём. Они нашли их в кладовке – два ортопедических матраса в плёнке, которые бабушка, видимо, припрятала «на подарок». Без лишних слов, взвалили на плечи и понесли вниз, в своё новое царство.

Раскладушки застелили, накрыли дорогим бельём. Получилось странно, нелепо, но... по-домашнему. Котельная преобразилась. Теперь это была не просто комната с котлом. Это была их комната. База. Штаб. Арсений сел на свой диван, глядя на друзей, которые уже спорили, кто где будет спать. Санёк щёлкал зажигалкой, Никитос пытался приладить к железной ножке кровати найденный фонарик. За стенами был холод, тьма и полный неизвестности ужас. В доме наверху – тяжёлые разговоры и груз ответственности. А здесь, в тепле котельной, среди знакомых лиц и абсурдных итальянских простыней, была крошечная, но реальная точка опоры. Осколок их старой дружбы, который, возможно, станет самым крепким оружием в новой войне за существование. Они были живы. Они были вместе. И пока в этой котельной горел свет и звучали их голоса, у мира за стенами не было над ними власти.

Когда все наконец разобрались со своими местами и распаковали вещи, первым делом Никитос отправился оценивать «удобства» – совмещённый санузел в углу котельной. Туалет и душ, выложенные кафелем, который никогда не знал настоящего спроса. Ими пользовались разве что летом, после бани или работы в огороде.

– Ну и трон у нас! – засмеялся Никитос, хлопая по холодной крышке бачка. – Своя душевая кабина и толчок. Вообще сказка, а не убежище.

– А как с водой будет? – спросил Санёк, уже мыслившими категориями выживания. – Надолго ли?

– У деда котёл и бойлер, – пояснил Арсений, прислонившись к трубе. – Скважина своя. Пока есть топливо для генератора – будет и свет, и вода, и тепло. На первые пару месяцев, говорил, хватит. Дальше... дальше будем думать.

Пацаны молча приняли эту информацию, как принимают приговор – без возражений, но с тяжестью на душе. Потом разбрелись по своим раскладушкам. Время, потраченное на переезд и обустройство, пролетело незаметно. За маленьким и единственным окном котельной давно сгустилась зимняя ночь – не та, мирная, огнями города, а густая, бархатная, злоедающая темнота, в которой каждый шорох казался угрозой. Голод, отложенный днём адреналином, теперь скручивал животы тугой, настойчивой судорогой. Дед строго наказал: сегодня не ужинаем. Экономить с первого дня. Арсений, сидя на своём диване, поймал на себе голодные взгляды друзей. Молча, не привлекая внимания, он полез в свой рюкзак и нащупал там сплюснутую, но целую шоколадку «Snickers.». Припрятал её с утра, инстинктивно.

– Пацаны, – тихо позвал он, и оба тут же встrepенулись. – Идите сюда. Пока никто не видит.

Он осторожно развернул обёртку, стараясь не шуршать. Аромат карамели и нуги ударил в нос, показавшись невероятно роскошным. Он разломил плитку на три неровные, но честные части.

– Берите.

– Да ты спаситель, Петрович, – с почти религиозным благоговением прошептал Никитос, мгновенно отправляя свою долю в рот.

Санёк взял свой кусок, долго смотрел на него, а потом отломил ещё маленький кусочек и сунул его в карман. «На чёрный день», – сказал его жест. Они сидели втроём на горячем кафельном полу котельной, в круге тусклого света, и ели шоколад. Запивали тёплой водой из пластиковой бутылки. И смеялись. Тихо, сдавленно, но смеялись. Над жадностью Никитоса, над запасливостью Санька, над абсурдом всей ситуации – огромный дом, полный людей и страха, а они, трое пацанов, прячутся в котельной и пируют на шоколаде, как будто это последний ужин на земле. В этом смехе, в этом клейком, сладком вкусе во рту, был не просто побег от голода. Это был акт сопротивления. Мир за стенами рухнул, превратившись в холодную, кусачую тьму. Но здесь, в их маленьком, тёплом углу, пока ещё существовало нечто важное. Дружба. Доверие. И способность найти кусочек сладкого даже в самом горьком дне.

Шоколад кончился. Обёртку аккуратно смяли и спрятали. Смех стих, сменившись усталой, тяжёлой тишиной. Но в воздухе ещё витало его эхо – хрупкое и драгоценное, как последний луч солнца перед долгой ночью. Завтра начнётся новая жизнь – с дежурствами, скудными пайками, страхом и ответственностью. Но сегодня, эту ночь, они выиграли. Они были вместе. Они были живы. И пока они могли делить друг с другом последнюю шоколадку, у тьмы за окном не было над ними полной власти.

Глава 4. Горнолыжники

Прошла неделя. Семь дней жизни в запертой крепости, которые растянулись в вечность. Дед быстро навёл свои порядки. На чердаке, под самой крышей, он обустроил наблюдательный пункт. Там были небольшие слуховые окна на все четыре стороны, и как он правильно подметил – весь посёлок лежал как на ладони.

Первые дни ещё теплилась иллюзия старого мира. По пустынным, заснеженным улицам иногда проносились дорогие внедорожники, набитые людьми и вещами до отказа. Потом и это прекратилось. Посёлок замер. Ни въезда, ни выезда. Та же тишина воцарилась и в отношении «новых людей» – их не было видно. Ни шатающихся силуэтов, ни следов на снегу. Было ощущение, что «Фатеево» просто вымерло и было забыто и Богом, и дьяволом.

Внутри дома жизнь шла по строгому уставу. Женщины отвечали за хозяйство: готовку на всех, чистоту, стирку в тазиках. Мужики – за безопасность: дежурства на наблюдательном пункте, проверка запоров, мелкий ремонт. График висел на кухне.

Через несколько дней тихо, без предупреждения, погас свет во всём посёлке. Вечером не зажглись ни фонари, ни окна в других домах. Только непроглядная тьма. Их крепость вздрогнула и загудела – в гараже, за толстой дверью с резиновым уплотнителем, завёлся дизельный генератор. Труба от него была выведена на улицу, чтобы жители не отравились угарным газом. Теперь электричество было своим, шумным и ограниченным. И вот, ровно ещё через неделю, дед собрал всех в большой гостиной на первом этаже. Ощущение было, как перед объявлением приговора.

– Дорогие мои выжившие, – начал дед, и в его голосе не было ни капли обычной железной уверенности. Была усталость. – Мои расчёты провалились. Едим мы как кони. Еды осталось... дай бог, на неделю. С топливом для генератора – та же история. Где-то на семь-десять дней. А он питает всё: насосы из скважины, котёл, бойлер... Без него мы тут за неделю замёрзнем, как в кирпичном гробу.

Он сделал паузу, давая словам осесть. В комнате было слышно, как кто-то сглатывает ком в горле.

– Я к чему. Нужно выходить наружу. Искать еду, искать топливо. Иначе мы здесь просто красиво и с теплом протянем ноги. У нас осталась только крупа, которую я приказал отложить на чёрный день, ведёр шесть картошки в подвале и килограмма четыре мяса в выключенной морозилке. Что будем делать?

Тяжёлое, гнетущее молчание повисло над собравшимися. Все смотрели в пол, в стены, куда угодно, только не друг на друга. Выйти? Туда, где тишина страшнее любого шума? Где за каждым сугробом может прятаться та самая, нечеловеческая угроза? Страх сковал всех, от взрослых мужчин до подростков.

– Желающих, как я вижу, нет, – констатировал дед без эмоций. – Значит, поступаем так. С сегодняшнего дня переходим с трёхразового питания на двухразовое. Только суп. Генератор – только на поддержание минимального тепла в трубах и работу насоса на час в сутки для запаса воды. Свет – свечи и фонарики. Будем растягивать, что есть. Но это лишь отсрочка. Не решение.

Он развернулся и вышел из комнаты, оставив всех в давящей тишине. Решение было не принято. Была лишь отсрочка. И все понимали – рано или поздно выходить придётся. Вопрос был только в том, кто и когда на это решится.

В котельной, куда спустились трое друзей, атмосфера была ещё мрачнее.

– На неделю, – хрипло произнёс Санёк, лёжа на раскладушке и глядя в потолок. – Через неделю жрать будет нечего, а тут мороз за тридцать.

– Дед прав, – тихо сказал Арсений. Он сидел на своём диване, вертя в руках старый компас. – Сидеть – значит сдохнуть.

– А выходить – тоже сдохнуть! – выпалил Никитос. – Ты видел, что тот урод у подъезда сделал? А если их там стая?

– Видел, – холодно ответил Арсений. – Но у того мужика не было ружья. И он не ждал подвоха.

Он посмотрел на друзей.

– Мы же горнолыжники, блядь. Не просто пацаны. Мы умеем действовать в экстриме, читать местность, двигаться быстро и тихо. Мы знаем этот район – все эти посёлки, дачи, гаражи. Кто, если не мы?

Санёк медленно сел. В его глазах зажёгся слабый, но знакомый огонёк – огонёк азарта, расчёта. Тот самый, что зажигался перед сложным спуском.

– Ты о чём, Петрович?

– Я о том, что сидеть и ждать, пока дед или твои родители решатся, – это тупо. Они взрослые, на них ответственность за всех. Они не рискнут. А мы... – Арсений встал. – А мы можем рискнуть. Небольшой группой. На разведку. Недалеко. Посмотреть, что в соседних домах. Может, там консервы остались. Или бензин в канистрах в гаражах. Мы быстрее, тише, и... нам просто нечего больше терять.

В котельной воцарилась тишина, но теперь она была другого качества – напряжённой, заряженной не страхом, а возможностью. Безумной, смертельно опасной, но единственной.

– Горнолыжники, – усмехнулся Санёк, и в его улыбке было что-то дикое. – В апокалипсис.

– В апокалипсис, – кивнул Арсений. – Так что, пацаны? Спускаемся с этой горы?

Никитос, бледный, но с горящими глазами, медленно кивнул. План, чудовищный и единственный, начал обретать черты. Они ещё не знали, как и когда. Но они знали кто. И этого, в их новом мире, было уже немало.

Приняв решение, Арсений отправился к деду. Не посвящая его в свои планы, он просто попросил старые армейские куртки. Дед, не задавая лишних вопросов, молча выдал ему потрёпанный свёрток. Забрав инвентарь, Арсений вернулся в котельную.

– Держите, пацаны, – смахнул он пыль со свёртка, разворачивая перед друзьями три оливковых куртки. На каждой – следы времени и приколотые звёзды. На одной – страшноватый лейтенант, на другой – капитан, а на третьей, самой внушительной, – майор. Её-то Арсений и оставил себе. Санёк, недолго думая, взял капитанскую, Никитос – лейтенантскую.

– Слушайте, – серьёзно начал Арсений, поглаживая грубую ткань, – в эти куртки нужно вшить железные пластины. По торсу, по спине, на руки – раз эти твари кусаются, нужно прикрыть всё, что можно.

Без лишних слов пацаны двинулись в гараж и принялись за дело. Работа закипела под мерцание лампочки: звон металла, шипение сварочного аппарата, скрипа кожи.

– Мужики, – крикнул Арсений, примеряя нагрудную пластину, – штаны тоже надо укрепить! По ногам, особенно по голеним, пустим такие же полосы. Не оставим им ни одного слабого места.

В гараже пахло металлом, потом и решимостью. Прошёл час, другой, третий. И вот, наконец, снаряжение было готово – грубое, тяжёлое, смертельно серьёзное. Три фигуры в доработанных кителях уже не походили на пацанов из котельной. Они стояли, проверяя свободу движений, лязгая пластинами, и в их молчаливом взгляде читалось одно: они готовы.

Трое пацанов стояли в дверях гостиной, залитой дрожащим светом камина. Они были неуклюжими, громоздкими в своих самодельных доспехах. Вшитые в ватину курток и штанов. Жестяные пластины от старых ящиков скрипели и оттопыривались при каждом движении. Выглядели они не как солдаты, а как дети, нарядившиеся в карнавальные костюмы из хлама. Но в их позах была неестественная для детей выправка. И глаза – не испуганные, а собранные,

острые, как канты наточенных лыж. Все, кто сидел у огня, замерли. Взгляды, полные усталости и тревоги, скользнули по ним: по Арсению в куртке майора, по Саньку в куртке капитана, по Никитосу, утонувшему в просторной куртке лейтенанта. На лицах взрослых мелькнуло раздражение, недоумение, жалость. «Дети играют в войнушку, пока мир рушится», – говорили эти взгляды. Тётя Света даже вздохнула сокрушенно. Отец Арсения сжал губы, готовый сказать что-то резкое, чтобы прекратить этот неподходящий фарс. И только один человек смотрел иначе. Дед. Он сидел в своём кресле у камина, отложив в сторону книгу. Его глаза, привыкшие за двадцать лет службы оценивать людей в экстремальных ситуациях, не видели жесты и скотча. Он видел суть. Он видел расчётливую холодность в глазах Арсения – не бравату, а холодную решимость. Видел сосредоточенную, почти спортивную собранность Санька, который уже мысленно проходил маршрут. Видел тщательно скрываемый, но взятый под контроль страх Никитоса – страх, который не парализует, а заставляет мозг работать на пределе. Он видел не детей. Он видел группу. Маленькую, сырую, но уже сплочённую общим безумным решением. И это решение читалось в каждом их жесте. Они не пришли хвастаться. Они пришли за санкцией. Или, что более вероятно, – просто поставить в известность.

Арсений сделал шаг вперёд. Пластины на груди звякнули. Он выпрямился, стараясь казаться выше, и произнёс чётко, почти по-уставному, но с лёгкой, неуловимой дрожью в голосе, которую слышал только дед:

– Товарищ майор. Группа для... возможной вылазки готова.

В комнате повисла тяжёлая, взрывоопасная тишина. Потом её разорвал отец Арсения. Он резко встал.

– Какой ещё товарищ майор?! Какая вылазка?! Арсений, ты с ума сошёл? Сними эту рвань немедленно и иди...

– Молчать.

Голос деда прозвучал негромко, но с такой ледяной, не терпящей возражения силой, что отец замер с полуоткрытым ртом. Все повернулись к старику.

Дед медленно поднялся из кресла. Он был невысок, но в тот момент казался гигантом, заполняющим собой всю комнату. Он подошёл к троим пацанам, обошёл их, оценивающе посмотрел на их «доспехи», на самодельные наплечники из разрезанных канистр, на толстые, укреплённые штаны.

– Разработали план? – тихо спросил он, только для них.

– В общих чертах. Разведка соседних домов. Тишина, скорость, наблюдательность, – так же тихо, по-деловому, ответил Арсений.

– Оружие?

– Заточенная саперная лопата. Топор. Длинный боевой нож. Петарды из гаража – для шума, если что, – добавил Санёк.

Дед кивнул, будто принимая рапорт опытного капитана.

– Час на подготовку детального маршрута. Отметить на карте все возможные укрытия, пути отхода. Потом – ко мне на утверждение.

– Есть, – хором ответили пацаны.

Затем дед обернулся к остальным. Его взгляд, тяжёлый и всевидящий, заставил всех опустить глаза.

– Вы все слышали, – сказал он громко, обращаясь ко всей комнате. – Эта тройка – не дети. Это наша разведка. Наши глаза и ноги снаружи. Пока вы тут сидите и боитесь, они делают. И с этого момента у них есть только один командир. И это – я. Их приказы, их решения на вылазке – не обсуждаются. Не критикуются. Не оспариваются. Даже, – он бросил острый взгляд на отца Арсения, – особенно тебе. Потому что ты не знаешь, что там. А они скоро узнают. Ваша задача – не мешать. Понятно всем?

В комнате стояла гробовая тишина. Мать Арсения прикрыла рот ладонью, в её глазах стояли слёзы – не только от страха, но и от странной, щемящей гордости. Отец опустил голову, побеждённый железной логикой и волей старика.

– А теперь, – дед снова повернулся к пацанам, и в его взгляде вдруг мелькнуло что-то, что было старше войны, старше любых катаклизмов – древняя, мужская солидарность, – идите и готовьтесь. И... берегите друг друга. Вы теперь не просто друзья. Вы – отделение. И я жду вас всех назад. Живыми.

Трое «горнолыжников» синхронно кивнули, развернулись и вышли из комнаты. Их шаги, отягощённые жестью, глухо отдавались по лестнице, ведущей в их подземный штаб – котельную. А в гостиной воцарилась новая тишина. Теперь в ней не было безысходности. В ней был страх нового рода – страх за тех, кто добровольно ушёл в темноту, чтобы принести всем шанс на свет. И тихое, неохотное признание: возможно, эти трое подростков в смешных самодельных доспехах были единственными, у кого хватило духа сделать первый, самый страшный шаг в новый мир.

Перед самым уходом дед вручил им карту посёлка с прорисованными участками и контурами домов.

– Отмечайте, – его голос был низким, без эмоций, но в каждом слове висела гиря ответственности. – Куда зашли, что нашли, где опасность. Это теперь ваш главный документ. Потеряете – заблудитесь как щенки. А я вас искать не пойду. Поняли?

Конечно в случае того, если пацаны не вернуться, дед первый же пойдёт на их поиски. Это теперь его отряд, его бойцы и его ответственность за их здоровье. Пацаны кивнули, свернув карту в трубку. Иллюзия безопасности, которую давали толстые стены дома, рассыпалась в этот момент. Перед выходом дед молча вручил им «арсенал», который пацаны сами часом ранее точили и обрабатывали: одну заточенную сапёрную лопату с обмотанной изолентой рукоятью, тяжёлый плотницкий топор и длинный охотничий нож. Оружием это можно было назвать с большой натяжкой. Против того, что было там, за забором, это казалось детскими игрушками. Но выбора не было.

Спустившись в свою котельную-штаб, воздух в помещении, ещё недавно пахнувший дружеским шоколадом и бодрящей бравадой, теперь был густым и тягучим от немого страха. Его не показывали, но он висел на каждом, как второй, невидимый доспех – тяжелее всех жестяных пластин.

Санёк развернул карту на полу, прижав углы банками с болтами.

– Смотрите. Мы – здесь, – он ткнул пальцем в квадратик их дома. – Напротив, через дорогу, метрах в шестидесяти – три дома. Двухэтажные, с участками. По флангам, за нашим забором, еще штук пять. – Он обвёл взглядом остальных. – Идём сегодня только в первый. Самый ближний. Только разведка. Не геройствуем. Если что-то не так – отходим сразу.

Никитос, нервно теребя рукоять ножа у пояса, кивнул. Лицо его было бледным, но взгляд не бегал.

– А... а если они там? В доме? – спросил он тихо, будто боясь, что его услышат за дверью.

– Тогда «Отбой», – жёстко повторил Санёк. – Мы не на войну, мы на поиск еды. Не вступаем в контакт.

Арсений, до сих пор молчавший, поднял голову. Он смотрел не на карту, а куда-то внутрь себя, будто прикидывая траекторию не на снежном склоне, а в этом новом, смертельном ландшафте.

– Тактика будет, как на сложной трассе, – сказал он, и его голос прозвучал странно спокойно. – Тихо подбираемся к дому. Все помнят, что новые люди не слышат?

Пацаны кивнули головой.

– Так вот, делаем все быстрыми движениями, не переживайте за звук, только обнаружили, что то похожее на эту тварь в доме, кричите, в бой не вступаем, какими сильными мы бы не

были, выстоять против них не получиться. В дом заходим втроём. Быстрая разведка всего дома вместе, далее если все чисто, расход и поиск припасов.

В котельной воцарилась тишина. Это был приказ. И в нем была своя, леденящая логика. Санёк, после паузы, кивнул.

– Ладно. По твоей схеме.

Арсений встал, костяшки его пальцев побелели, когда он сжимал древко лопаты. Страх был. Он сковал живот холодным комом, заставил сердце биться чаще. Но поверх страха была другая, знакомая энергия – собранная, острая, готовая к действию.

– Горнолыжники, – произнёс он, глядя на друзей. – Наш спуск начинается. Самое сложное – сделать первый шаг за пределы трассы. Сделаем его вместе.

Они не хлопали по плечам, не улыбались. Они просто встретились взглядами, кивнули друг другу – коротко, по-деловому. Иллюзии кончились. Теперь была только карта в руках у Санька, холодное железо в их ладонях и шестьдесят метров смертельно опасной тишины, отделявшей их от первого дома. От первого шага в новую реальность, где не давали медалей за смелость, а цена ошибки измерялась не секундами, а жизнями.

Они поднялись из котельной, взяв карту, но оставив немой страх внизу, и направились в гостиную, где у камина, в своём кресле-троне, сидел дед. Он не спал, ждал. На столе перед ним лежала чистая, как слеза, старая рация. Он смотрел не на неё, а в огонь, но его взгляд был острым, сканирующим. Пацаны выстроились перед ним, стараясь держать выправку. Скрип пластин в тишине комнаты звучал громко и неуместно.

– Товарищ майор, – начал Арсений, и голос его не дрогнул. – Группа готова к докладу.

Дед медленно перевёл на него взгляд. Не одобряющий, не осуждающий – оценивающий. Как командир перед операцией.

– Докладывай.

Арсений кратко, чётко, почти по пунктам, изложил план: ближайший дом, тактика тихого подхода, вход через заднюю дверь, быстрая разведка втроём для взаимного прикрытия, отход при малейшей угрозе. Санёк молча развернул карту, показал маршрут. Никитос, стараясь не дышать, стоял по стойке «смирно», держась за рукоять ножа. Дед слушал, не перебивая. Когда Арсений закончил, в комнате повисла пауза. Потом дед кивнул – один раз, скупое.

– План работоспособный. Но есть три «но». – Он поднял палец. – Первое: вы не знаете планировки дома. Там могут быть узкие коридоры, крутые лестницы. Лопата в таких условиях – бесполезна. Топор – слишком долгий замах.

Он сделал паузу, давая словам впитаться.

– Второе: «если что-то не так – отходим». Это правильно. Но что для вас «не так»? Скрип половицы? Запах? Вы должны решить это до входа. Чёткий критерий. Иначе в момент опасности начнётся паника и споры.

Третий палец.

– И главное: вы идёте не за вещами. Вы идёте за информацией. Ваша главная добыча – знание. Как ведут себя эти твари в закрытом помещении? Спят? Бродят? Остались ли нормальные люди? Какие припасы вообще можно найти? Поняли?

Пацаны переглянулись. В их плане, построенном на скорости и отваге, не было этой холодной, аналитической составляющей. Дед своими вопросами превращал авантюру в операцию.

– Поняли, – хором ответили они.

– Критерий «не так», – быстро сказал Арсений, подумав. – Любое движение в темноте. Любой звук, кроме нашего. Запах... гниения или свежей крови. Увидели, услышали, унюхали – немедленный отход.

– Принято, – одобрил дед. – Теперь по оружию. – Он наклонился и достал из-под кресла длинную, тяжёлую монтировку с загнутым концом. – Бери. Для дверей и для тесных мест. Удар крюком – эффективнее лопаты вблизи.

Арсений взял холодное железо. Оно лежало в руке куда убедительнее лопаты.

– А вам? – Дед посмотрел на Никитоса. – Твой нож – последний аргумент. Если дошло до него – ты уже почти проиграл. Держись в середине. Твоя задача – не драться, а смотреть. Замечать то, что они пропустят. – Он ткнул пальцем в свой висок. – Работать здесь.

Потом дед встал, подошёл к буфету и вынул три маленькие, плоские фляжки. Внутри плескалась мутная жидкость.

– Спирт. Разведённый. Не пить. – Он сурово посмотрел на них. – Для дезинфекции, если что... попадёт на вас. Всё. Вопросы есть?

Вопросов не было. Было ясное, холодное понимание: их детский план только что прошёл суровую военную цензуру и оброс критически важными деталями.

– Тогда выполняйте, – сказал дед, и в его голосе впервые прозвучала не только команда, но и что-то, отдалённо похожее на тревогу. – И помните: я вас жду. Не заставляйте меня выходить за вами. Это будет плохо для всех. Особенно для вас.

Они вышли во двор. Воздух, чистый и колкий, ударил в лицо. Было не холодно, от силы минус десять. Безоблачное небо сияло жестоко-ярким январским солнцем, которое слепило, отражаясь от белого снега, но совсем не грело. Эта неестественная, солнечная тишина была страшнее любой вьюги.

Дед поднял рацию к губам. Щелчок был громким в замершем воздухе.

– Сергей, как вокруг дома, всё чисто? – Его голос в эфире звучал ещё более сурово и официально.

Из динамика почти сразу вырвался голос отца Саши:

– Алексей Александрович, повторяю: всё чисто. По периметру ни движения, ни следов свежих. Тишина.

Дед щёлкнул тумблером.

– Отбой. Спускайся. Смена.

Он обернулся к пацанам. Солнце било им в спины, отбрасывая длинные, искажённые тени на снег – три фигуры в грубых доспехах, похожие на инопланетных воинов из забытого фильма. Он молча снял с пояса тяжёлую, потёртую рацию и протянул её Арсению.

– Держи. Канал уже настроен. Говори чётко, если что. Не кричи в эфир.

Арсений взял тяжёлый корпус. Пластик был холодным, но от него, как ни странно, веяло надёжностью. Это был канат, связывающий их с крепостью.

– Я сейчас поднимусь на крышу, – дед кивнул в сторону дома – Буду видеть каждый шаг. Мои глаза – ваши вторые глаза. Поняли?

Он сделал паузу, глядя на каждого по очереди, вгоняя мысль в самое нутро.

– Последнее. Они глухие. Но зрение... зрение у них, судя по всему, работает. Не попадайтесь на глаза. Не стойте на открытом месте, на фоне света. Если придётся – работайте со спины. Быстро, тихо и без раздумий. – Он хлопнул ладонью по монтировке Арсения. – Не честь, не благородство. Только выживание. Это теперь главное правило. Всё остальное – после.

Он повернулся к тяжёлым металлическим воротам, положил руку на скобу, но снова обернулся. Его лицо, освещённое жестоким солнцем, казалось вырубленным из старого дуба.

– И ещё что... – голос его внезапно потерял командирскую сталь, на миг стал просто голосом деда, у которого на руках трое мальчишек, рвущихся в ад. – Я буду видеть не каждом метре. Так что... не делайте глупостей.

И, не дожидаясь ответа, он резко дёрнул скобу. Ворота, сдавленно взвизгнув, поползли по снегу, открывая узкую, но достаточную щель. За ней лежала та самая дорога, пустая, зали-

тая слепящим светом, и тёмный силуэт первого дома напротив. Щель была похожа на разрез в реальности, за которым начиналось что-то другое. Дед шагнул в сторону, давая им дорогу, и жестом показал: «Вперёд». Арсений перехватил монтировку в потной ладони, почувствовал вес рации на поясе. Он кивнул Санёку и Никитосу. В их глазах был тот же коктейль – леденящий страх и стальная решимость, закалённая словами деда. Первый шаг за порог сделал он. Солнце ударило в глаза, но он не зажмурился. Он вышел из тени забора в ослепительный, мёртвый свет нового мира.

Пацаны, выйдя из ворот, слышали за спиной глухой, окончательный стук металла. Обратного пути не было. В ушах ещё гудел последний наказ деда. Иллюзии кончились. Теперь каждый хруст снега под ногой звучал как гонг, разбивавший звенящую тишину.

Самодельные доспехи, грубые и тяжёлые, скрипели при каждом движении, сковывая плечи, но не волю. Эта тяжесть была теперь их второй кожей – неудобной, но необходимой броней. Арсений оглядел дорогу – пустую, ослепительно-белую под солнцем. Жёлтый диск на синем небе казался насмешкой, цирковым прожектором, освещающим арену для смертельного представления.

– Вперёд, – прошептал он, не глядя на друзей, и рванул с места.

Три тени, громоздкие и стремительные, пересекли дорогу рывком, похожим на спринт на старте. Снег взлетал из-под тяжёлых ботинок. Арсений ждал, что из-за любого угла раздастся вопль, но было тихо – страшно тихо. Они врезались в тень соседского забора, прильнув к шершавым, холодным доскам. Сердца колотились так, что, казалось, их слышно через пластины.

Этот дом был выбран неслучайно. Арсений, дежуря на чердаке, часами вглядывался в его окна. Ни движения, ни света. Даже в первые дни хаоса оттуда не выезжали переполненные машины. Казалось, жители либо уехали ещё до катастрофы, либо... не смогли уехать. Дом стоял как застывший корабль-призрак, и в нём, по логике, должно было остаться всё самое ценное: консервы в кладовках, медикаменты в аптечках, а главное – отсутствие нежеланных «хозяев».

– Пацаны, тут забор, калитка на замке, – Арсений, отдышавшись, прошептал, тряхнув головой. – Что делаем?

Санёк и Никитос молча окинули взглядом массивные ворота и высокий, но не монолитный забор из кирпичных столбов и деревянных секций.

– Никитос, давай подсадим, – предложил Санёк, уже оценивая высоту. Другого варианта не было. Разбивать замок – шумно. Искать другой вход – тратить время.

Арсений и Санёк, синхронно, прижались спинами к холодным доскам, сложив замки из рук. Молча, кивком головы Арсений показал: Давай, залазь. Ты самый лёгкий. Никитос замялся на секунду, его взгляд скользнул по острым верхушкам штaketника. Но колебание было мимолётным. Он кивнул, сделал шаг в их сплетённые ладони, и они, рывком вверх, подбросили его. Никитос, цепляясь и скребя пластинами по дереву, ухватился за верх забора и повис, а затем перекатился на него животом, оседлав узкую кирпичную кладку столба. Сидеть было неудобно и опасно.

– Видишь на территории кого? – шипел снизу Арсений, не сводя глаз с окон дома.

– Вижу... – голос Никитоса сверху прозвучал сдавленно. – Тут собака. Мёртвая.

Ледяная игла прошла по спине у Арсения. Мёртвая собака могла быть как нейтральным фактом, так и грозным знаком.

– Укусы есть? Разорвана она? – продолжал допрос Арсений, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Нет... вроде нет. Просто... лежит. Как спит.

«Скорее всего, просто замёрзла, когда всё началось», – пронеслось в голове Арсения. Это была плохая новость для собаки, но хорошая для них. Значит, заразы тут, вероятно, нет.

– Хорошо. Санёк, давай теперь я. Никитос, помогай.

Роли поменялись. Санёк, упёршись спиной в забор, посадил Арсения. Никитос, едва держась наверху, одной рукой ухватился за пластину на плече Арсения и изо всех сил потянул вверх. Дерево скрипело под их весом. Наконец, Арсений забрался рядом, уцепившись за кирпичный столб.

– Санёк, хватай нас за руки и подтягивайся! – приказал Арсений.

Они с Никитой, сидя верхом на заборе, вытянули руки вниз. Санёк прыгнул, схватившись за их запястья. Его вес чуть не стащил их обоих вниз. Арсений аж крикнул от натуги, почувствовав, как мышцы спины и плеч горят огнём. Они тянули, скрипя зубами, пока Санёк не смог ногой зацепиться за щель между досками и, рывком подтянувшись, ухватиться за самый верх забора.

– Спрыгивайте! – сдавленно выдавил Санёк, уже карабкаясь рядом с ними.

Арсений и Никитос, не раздумывая, спрыгнули вниз, вглубь чужой территории. Удар о мёрзлую землю отдался болью в коленях даже через толстые штаны.

Они тут же вскочили и отскочили от забора, обнажив оружие, и стали сканировать двор: мёртвая собака у будки, заснеженные качели, гараж с закрытыми воротами... и главное – задняя дверь дома. Она была цела. Через мгновение к ним, тяжело дыша, присоединился Санёк, спрыгнув с глухим стуком.

Все трое оказались по ту сторону забора. Внутри. Окружённые тишиной, снегом и тёмными окнами дома, который теперь предстояло обшарить. Первое препятствие было позади. Теперь они стояли у самого края настоящей неизвестности. Следующий шаг – внутрь. Но собака... Она не давала покоя Арсению. Та же неподвижность, тот же неестественный застывший силуэт. Он уже видел это – на лавочке в своём дворе, за секунду до того, как эта неподвижность взорвалась звериной яростью.

– Пацаны, дайте камень, – приказал Арсений, не отводя взгляда от тёмного комка шерсти у будки. Голос его был напряжённым, как тетива. – И будьте наготове.

Санёк молча наклонился, выковырял из-под снега замёрзший ком земли, шершавый, как булыжник, и сунул ему в руку. Арсений взвёл руку и резко швырнул. Камень пролетел мимо, глухо шлёпнувшись в сугроб в полуметре от собаки.

– Эх ты, блядь, снайпер, – фыркнул Никитос, и в его шёпоте сквозь напряжение прорвалась знакомая, нервная усмешка.

Собака не шелохнулась. Они стояли в нерешительности, скованные страхом перед ложной тревогой и ужасом перед реальной опасностью. И тут в тишине, нарушаемой лишь их тяжёлым дыханием, хрипло захрипела рация на поясе Арсения.

– Доложить обстановку. Почему стоите? – Голос деда из динамика был сжатым, как пружина.

Арсений, не отводя глаз от цели, нажал кнопку.

– Тут собака. Мёртвая. Наверное, мёртвая. Помнишь, я тебе рассказывал про мужика у подъезда... Есть подозрения.

Пауза в эфире была красноречивее любой ругани. Потом прозвучало тихое, отчётливое:

– Твою мать... Отходите. Спокойно, не бегом. На выход.

Пока Арсений слушал и мысленно уже составлял план отхода, пока Санёк инстинктивно сделал шаг назад к забору, – Никитос не выдержал. Не страх, а эта томительная, давящая неопределённость, это стояние на месте, когда каждый нерв кричит «действуй!», переполнило его. Адреналин, смешанный с желанием доказать, что он не просто младший, ударил в голову.

– Да, ну вас всех! – хрипло выдохнул он, больше самому себе, и рванул вперёд.

– Никитос! – ахнул Санёк.

– Стой! – рывкнул в рацию дед, но было поздно.

Арсений замер, парализованный на мгновение. Он видел, как Никитос, сжав в руке свой нож, быстрыми, крадущимися шагами подбежал к собаке. Он не стал проверять камнем. Он

просто пихнул её ногой в тяжёлом ботинке – резко, без раздумий. Тело собаки, замёрзшее и зачоченевшее, откатилось по снегу, как бревно. Никакой реакции.

– Пошли вы, мёртвая она, ссыкуны! – обернулся Никитос, и на его лице была не бравада, а скорее лихорадочная, почти истерическая усмешка победы над собственным страхом.

В этот момент все они – и дед в рации, и двое пацанов во дворе – онемели. Иерархия, построенная за минуты до этого, треснула. Решение было принято без них. И тут Никитос, не дожидаясь их реакции, повернулся к дому. Он не попросил указаний. Он не оглянулся. Он просто пошёл. Первый. К задней двери, которая теперь казалась не просто целью, а испытанием, брошенным им самим себе. Его фигура в слишком большой лейтенантской куртке внезапно показалась не детской, а обретающей какую-то новую, опасную форму.

Арсений и Санёк переглянулись. В глазах Санька читался немой вопрос: «Что делать?». Арсений сжал рацию.

– План... меняется, – сквозь зубы сказал он в микрофон. – Никитос пошёл к дому. Мы... следуем за ним.

– Чёрт... Берегите его. И себя, – был лаконичный, полный ярости и бессилия ответ из эфира.

И они, отбросив осторожность, бросились вдогонку за Никитосом, который уже подбирался к крыльцу, держа нож наготове. Теперь они входили не по плану. Они входили, потому что один из них сорвался с цепи. И это делало всё в тысячу раз опаснее.

Подойдя к задней двери дома они выдохнули.

Да, она была закрыта, но пластиковая, а не железная или стальная, что делало проникновение в разы легче. Петрович вставил лом в щель между дверью и стеной, и попросил Санька забить лом чуть дальше обратной стороной топора. Дверь с тихим, но противным треском подалась внутрь, распахнувшись в темноту. Запах ударил в лицо – не тот резкий, трупный, а запах забытого жилья: пыль, старая мебель, затхлый воздух, перестоявший чай в кружке на столе. И под ним – едва уловимая, сладковатая нота чего-то испорченного, возможно, еды в мусорном ведре.

– Добро пожаловать, – прошептал Арсений, и его голос был поглощён тишиной дома, как капля в море.

Они замерли на пороге, втиснувшись в узкое пространство задней прихожей-тамбура. Сердца колотились в унисон. Свет из разбитой двери падал узкой полосой, выхватывая из мрака вешалку с пуховиками, пару детских санок, брошенных у стены.

Тишина. Глухая, полная, всепоглощающая.

Санёк, не дожидаясь команд, осторожно прикрыл дверь, оставив лишь щель. Они не хотели светиться на улицу. Теперь их единственным источником света были узкие просветы в шторах.

Арсений достал маленький, но мощный фонарик, выданный дедом. Он не включил его сразу, а лишь прикрыл ладонью, направив луч на пол. Свет вырезал из тьмы квадрат паркета, запылённый и усеянный чёрными гранулами старого грунта для цветов.

– Разведка на месте, – тихо, почти беззвучно, сказал он в рацию. – Входим. Визуально – пусто. Запах старого дома.

Из динамика донеслось лишь короткое шипение – знак, что их слышат. План, несмотря на срыв, всё ещё действовал. Двигаться втроём, спинами друг к другу, осматривая каждый угол. Первая комната за прихожей оказалась кухней. Хаос. Открытые шкафы, пустые упаковки на столе, разбитая тарелка на полу. Кто-то уже побывал здесь. Или спешно собирался. Но давно – судя по толстому слою пыли на осколках, прошло не меньше недели. Арсений быстро оценил кухню и направил фонарь в сторону холодильника. Он был закрыт и надежда на припасы была огромная. Но в кладовой, за раздвижной дверью, их ждала первая удача. На полках стояли

аккуратные ряды: тушёнка, гречка, макароны, несколько банок с солёными огурцами. Лица пацанов озарились в свете фонаря. Санёк уже протянул руку к рюкзаку.

– Стой, – остановил его Арсений. – Сначала весь дом. Потом грузимся. Нельзя отвлекаться.

Он повёл их дальше, в гостиную. Массивный диван, огромный телевизор, книжные полки. И на полу, у камина – скомканный плед и пустая бутылка из-под виски. Одинокая. Ни следов борьбы, ни крови.

Кабинет. Вот что интересовало Арсения больше всего. Здесь, по логике, могло быть то, о чём говорил дед – информация. Или оружие. Дверь в кабинет была прикрыта. Арсений жестом велел Санёку и Никитосу встать по бокам, а сам, прижавшись плечом к стене, толкнул её монтировкой.

Дверь бесшумно поплыла внутрь. В кабинете было пусто. Никого. Но стоял большой оружейный сейф. Арсений узнал его, похожий был у родственников отца. Кабинет был последней не обследованной комнатой. Дом был весь разведан, пустой и никому ненужный.

– Дед, приём. Дом осмотрели, никого не обнаружили. Собираем припасы

– Вас понял. Жду дома.

– Мужики, расходимся, Санёк в кладовку, бери все съедобное, я на кухню. Никитос осмотри кабинет, попытайся найти ключи от сейфа.

Санёк с Никитосом послушно кивнули и принялись за дело. Никто из них уже не боялся разговаривать в этом доме и они спокойно кричали друг другу о находках. Вот тут Санёк нашёл шесть банок тушёнки, пару пачек макарон с гречкой и овсянкой. Арсений на кухне нашёл некоторые запасы молочных продуктов, которые ещё не успели испортиться и сладости. Он нашёл шкаф с конфетами. Он все закинул в общий рюкзак, но шоколадку припрятал для себя и пацанов. Тем временем Никитос гремел в кабинете, вытаскивая все ящики подряд и ища ключи. Но вместо этого он нашёл оригинальную зажигалку «Zippo» пачку дорогих сигарет и сигар, которые он так же скидал себе в рюкзак.

– Дед, приём. Мы все припасы забрали, и нашли ещё оружейный сейф, только ключей нет. Может, можно как-то вскрыть?

В эфире на секунду повисло молчание, затем послышалось тяжёлое дыхание и решительный, одобрителный голос:

– Молодцы. Вас понял. Сейчас возьму болгарку и к вам. Не лезьте к сейфу, стойте на месте и не шумите. Я буду через пять минут. Конец связи.

Арсений перевёл дух. Слово «молодцы» от деда прозвучало как высшая награда. Напряжение, копившееся с момента выхода, начало понемногу растворяться, сменяясь первой, робкой волной гордости. Они справились.

– Слышали? – он обернулся к друзьям, и на его лице впервые за этот день мелькнуло подобие улыбки. – Дед идёт. И он доволен.

Санёк откинул капюшон, вытирая пот со лба. Даже Никитос, который ещё минуту назад гремел ящиками, теперь стоял с глуповатой, но счастливой ухмылкой. У его ног валялся рюкзак, из которого торчали пачка сигар и блестящий корпус «Zippo».

– Ну что, – сказал Санёк, хлопая Арсения по пластинчатому плечу. – Говорил же, дом пустой. Первый блин, а не комом.

– Ещё какой не комом, – Арсений кивнул на их туго набитые рюкзаки. – Месяц, не меньше, продержимся на этих запасах. А если дед вскрыет сейф...

Он не договорил, но все поняли. Оружие. Настоящее. Не самодельные дубины, а то, что даст реальный шанс против них.

Пока они ждали, Арсений в последний раз осветил фонарём гостиную. Его луч скользнул по семейным фото на полке – улыбающиеся лица, снежные горки, праздничный торт. Обычная жизнь, законсервированная в рамках. Теперь это были артефакты исчезнувшей цивилизации.

Он почувствовал лёгкий укол стыда – они пришли сюда как грабители. Но тут же прогнал эту мысль. Не грабители. Добытчики. Так сказал бы дед. Выживание – не преступление. Снаружи донёлся условный свист – короткий, отрывистый. Дед. Арсений жестом велел друзьям взять рюкзаки и встать у задней двери, готовые к быстрому отходу, а сам выглянул в щель. За забором, в тени их гаража, мелькнуло знакомое движение. Через мгновение дед, груженный и невероятно проворный, перемахнул через забор без единого звука, держа в руках болгарку и сумку с инструментами. Его глаза, острые, как у хищника, мгновенно оценили обстановку: прикрытая дверь, пацаны на позициях, полные рюкзаки.

Он бесшумно подошёл, кивнул, и они впустили его внутрь.

– Где сейф? – сразу, без лишних слов, спросил он.

– В кабинете, – показал Арсений.

Дед прошёл внутрь, осмотрел массивную железную дверцу, потрогал пальцем замок. Потом достал из сумки шумопоглощающий кожух для болгарки.

– Сань, Сень – на окна. Свет и шум будет. Никита – у двери, слушай улицу. Поехали.

Вопреки ожиданиям, работа болгарки даже с кожухом в гробовой тишине дома оказалась оглушительной. Искры, похожие на адский фейерверк, посыпались на пол. Время растянулось. Каждая секунда визга металла казалась вечностью, призывая на себя всё зло окружи. Арсений, вжимаясь в стену у окна и сканируя пустынную улицу, чувствовал, как по спине бегут мурашки. Слишком громко. Слишком долго. Но ответа не было. Ни тени за окном, ни звука с улицы. Посёлок по-прежнему был мёртв. С громким металлическим звуком замок поддался. Дед откинул дверцу сейфа.

Внутри не было арсенала. Но было то, что ценнее: автоматическая винтовка с оптикой и патронами, три старых, но ухоженный пистолета ПМ и две коробки патронов к ним. И аптечка. Не бытовая, а профессиональная, с кровоостанавливающими, антибиотиками, бинтами.

Дед молча вытащил оружие, проверил затворы, переложил патроны в свою сумку. Его лицо оставалось каменным, но в уголках глаз читалось глубочайшее удовлетворение.

– Всё домой. Быстро и тихо. – Он взвалил на себя сумки с оружием. – Вы – с едой. Прямо через двор к забору. Я вас подстрахую.

Обратный путь был марш-броском. Нагруженные добычей, они перелезли через забор ещё быстрее, чем вперёд, и через минуту уже были у своей калитки. Дед закрыл её за ними на массивный засов. И только тут, в безопасности собственного двора, под холодным, но уже родным небом, они позволили себе выдохнуть. Дед обернулся к ним, окинул взглядом: трое потных, перепачканных сажей и пылью пацанов с огромными рюкзаками, и его сумки с самым ценным грузом в новом мире.

– Ну что, – сказал он, и в его голосе впервые зазвучало что-то, отдалённо напоминающее гордость. – Первую операцию выполнили. На «отлично». Теперь вы не мальчики. Вы – добытчики. Идите, разгружайтесь. А потом – на разбор полётов.

Они зашли в дом, в тепло, под взгляды полные надежды и страха родных. И когда Арсений скинул тяжёлый рюкзак на кухонный пол с глухим стуком, он понял: всё изменилось. Они сделали первый, самый страшный шаг. И у них получилось. Это чувство – смесь дикой усталости, щемящей радости и новой, железной уверенности – было слаще любой медали. Он потрогал в кармане ту самую, припрятанную шоколадку. Сегодня вечером они её разделят. Все трое. Как и положено победителям.

Дед провёл ревизию найденных продуктов. Среди находок не было топлива для генератора и это значило только одно, что им придётся в любом случае идти ещё раз в свет.

Вечером, после вкусного ужина, дед сегодня решил сделать праздник, макароны с тушёной были отменными и все облизывали тарелки после их употребления. Он вышел перед всеми и начал докладывать.

– Сегодня, за этот вкусный ужин вы должны быть благодарны только им – дед обвёл пальцем их троицу. – Сегодня они поступили по мужски и принесли нам еду. Да, её оказалось не так много как хотелось, но на ближайший месяц у нас будет что поесть. Но с генератором вопрос останется незакрытым и вам пацаны, придётся в ближайшее время ещё раз – дед обращался не к мужикам, он обращался к ним, к этим школьникам, к обыкновенным горнолыжникам – У меня все, хорошего вечера. Пацаны, ко мне подойдите

Пацаны, сияя от гордости и сытости, подошли к деду.

– Раздевайтесь, – приказал он, указывая на разложенные на полу в прихожей чистые простыни. – Всё до нитки. И пластины тоже. Кожу надо просушить, пот смыть, а железо – проверить.

Они послушно стали снимать свои громоздкие доспехи. Пластины, мокрые от пота и испачканные сажей и пылью, с глухим стуком ложились на ткань. Под ними оказались простые спортивные футболки, прилипшие к телу. Воздух в прихожей мгновенно наполнился запахом пота, напряжения и мальчишечьей победы.

– А теперь – марш в баню, – дед махнул рукой в сторону коридора. – Чистым быть не только полезно, но и обязательно. Особенно теперь. Пока вы там, я займусь вашим хламом.

Баня, топившаяся весь вечер, встретила их густым, обжигающим паром и запахом свежего веника. Это был не просто мытьё. Это был ритуал очищения, смывания не только грязи, но и липкого страха, который вьёлся в кожу за этот день. Они молча оттирали друг друга спины, сидели на полке, и пар вытягивал из мышц усталость и остатки адреналина. Впервые за долгое время они могли просто сидеть и не думать о том, что за углом. Это был их маленький, выстраданный оазис.

Пока они парились, дед не спал. Он спустился в гараж, включил тусклую лампочку от аккумулятора и разложил перед собой три комплекта их «брони». Он не просто смотрел – он изучал. Щупал ткань, проверял крепления пластин, стибал жёсть пальцами. «Громоздко. Шумно. Неудобно. По-детски», – проносились в его голове приговоры, выверенные двадцатилетним опытом работы со снаряжением спасателей.

И он принялся за работу.

Сначала он взял пассатижи и начал аккуратно откручивать грубые, наскоро прикрученные саморезами жестяные пластины. Потом достал из своего запаса листы тонкой, но прочной алюминиевой жести – остатки от старого ремонта – и болгарку. По лекалам из картона, снятым с их тел, он начал вырезать новые, анатомические пластины. Они были меньше, легче, и покрывали всё самое важное: грудь, спину, живот, предплечья и голени. Края он тщательно обработал, чтобы не резали ткань и кожу. Затем – старый, но верный промышленный степлер и катушки прочнейшей капроновой стропы. Вместо того чтобы просто пришивать пластины к ватине, он создал систему ремней и строп внутри курток и штанов. Теперь пластины можно было плотно подогнать по фигуре, они не болтались и не сползали. Для ключевых точек – плечи, локти, колени – он нашёл в своих запасах настоящие спортивные пластиковые накладки от старой экипировки для мотокросса, вшил их внутрь, усилив жёстью.

Работа кипела всю ночь. В тишине гаража были слышны лишь шипение болгарки, щелчки степлера и мерное дыхание старика. Он не просто ремонтировал. Он конструировал. Каждый стежок, каждый ремень был продуман. «Здесь будет давить при беге – ослаблю. Здесь слабое место – усилю. Эта пластина гремит – подложу резину». Он думал о них. О том, как Арсений кряхтел, когда его тянули на забор. Как Никитос едва удерживал равновесие из-за неуклюжего наплечника. Как все они скрипели, словно телеги.

Под утро, когда в окно пробивались первые признаки рассвета, работа была закончена. Три комплекта лежали перед ним. Они уже не походили на карнавальные костюмы. Это была лёгкая, модульная, практичная экипировка выживальщика. Дед вытер пот со лба масляной тряпкой, сел на ящик и стал молча любоваться своим трудом. В его взгляде не было усталости.

Было спокойное, глубокое удовлетворение мастера. Он дал им не просто защиту. Он дал им шанс. И тихое, невысказанное «спасибо» за то, что они вернулись живыми.

Утром, когда пацаны, отдохнувшие и чистые, поднялись на завтрак, они увидели своё обновлённое снаряжение, аккуратно разложенное на столе в гостиной. Рядом стоял дед с кружкой кофе.

– Примерьте, – коротко бросил он.

Они, не скрывая любопытства, стали натягивать куртки. Разница ощущалась мгновенно. Тяжесть ушла. Тело было не сковано, а защищено. Пластины не болтались, а плотно и удобно облегали грудь и спину. Движения стали свободными, почти бесшумными.

– Вес сбалансировал, – пояснил дед, видя их удивлённые лица. – Теперь не будет перевеса на спину. Наплечники не будут сползать. По коленям и локтям – пластик, удар держит лучше жести. И меньше гремит. Это не хлам. Это теперь ваша вторая кожа. Берегите. – Он сделал глоток кофе. – А сегодня отдыхайте. Завтра – думаем, где искать солярку.

Пацаны переглянулись. Они стояли в обновлённой экипировке, чувствуя не только возросшую защищённость, но и что-то ещё. Заботу. Внимание к деталям. Это был не просто ремонт. Это было настоящее снаряжение, сделанное руками человека, который верил в них и готовил к новым испытаниям. Их «первая победа» теперь была закреплена не только едой в кладовой, но и этим тихим, прочным чудом инженерной мысли в гараже.

Глава 5. Забытая история

Завтра наступило слишком быстро. Весь вчерашний день пацаны отдыхали, дед не давал им никаких заданий, и они изнывали от скуки и накопленного напряжения. Сам он взял дежурство на крыше до вечера, не сводя глаз с мёртвых улиц.

День Икс, когда им предстояло идти за соляжкой, настал. После скудного завтрака дед вызвал их наверх, на наблюдательный пункт.

– Ну что, мужики, думали, куда сегодня двинем? – спросил он, не отрывая бинокля от глаз.

Арсений ответил первым.

– Да. У нас за забором два дома -справа и слева. Хотим оба проверить, и ещё один, напротив, – доложил он. План звучал дерзко даже в его ушах.

– Смелые вы ребята, – усмехнулся дед, наконец опуская бинокль. – Но я такое только поддерживаю. Я остаюсь тут, буду следить. И ещё кое-что...

Он замешкался, потянулся к рюкзаку и достал потрёпанную книгу в твёрдом переплёте.

– Это справочник по медицине. Я кое-что вычитал. Помните первый признак?

Пацаны молча кивнули. Как можно было забыть?

–Так вот. – Дед вытащил из книги сложенный листок с аккуратными, уставными пометками. – Алгоритм проверки, если вдруг найдёте живых. Выучите. Первое: температура. Ближе к 39 – это плохой знак. Второе: уши. Светим фонарём внутрь, смотрим, не начали ли зарастать. Третье: тщательный осмотр тела на предмет укусов. Руки, ноги, шея, живот... Думаю, разберётесь.

– Дед, а для чего это нам? –спросил Арсений, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Как для чего? – старик посмотрел на него с непонятной усталой серьёзностью. – Чтобы не занести заразу к нам. Чтобы отличать людей от... того, что ими уже не является.

– А селить их куда? – вступил Санёк. – Места-то у нас нет.

– С этим разберёмся, – отрезал дед. – Не спорим. Главное -чтобы этот алгоритм отскакивал у вас от зубов. – Он протянул листок Арсению. – Готовьтесь. Скоро выход. В полной амуниции ждите меня у ворот.

– Есть! – хором ответили пацаны и, перебрасываясь тяжёлыми взглядами, направились вниз.

Спуск по лестнице казался дорогой на плаху. Алгоритм проверки, холодный и безличный, висел в воздухе, как приговор. Они шли не просто за топливом. Они шли с инструкцией, как отличить человека от монстра. И где-то в глубине души каждый из них задавался вопросом: а что, если они найдут того, кого нельзя будет взять с собой? И что тогда? Предчувствие, тяжёлое и неясное, уже витало в воздухе, смешиваясь с запахом старой книги и пыли на чердаке. Сегодняшняя вылазка уже не казалась простой добычей ресурсов. Она пахла судьбой. Пацаны, лязгая усовершенствованными пластинами, одели своё снаряжение, взяли привычные топоры и лопаты и направились к воротам. Там, в сером свете зимнего утра, уже ждал дед, прислонившись к косяку. Они подошли и выстроились перед ним, ожидая дальнейших указаний.

– Форма та как родная села, – констатировал дед, оценивающим взглядом скользнув по каждому. – Мужики, бросьте своё старое железо в угол. Оно своё отработало.

Пацаны опешили. Идти без оружия? Но сомнения развеялись мгновенно. Дед наклонился к своей старой сумке из брезента и начал доставать оттуда свёртки, обёрнутые в промасленную тряпку. Разворачивая первый, он явил взору то, над чем трудился в одиночестве, пока они отдыхали: три самодельных клинка. Лезвия были выточены из хорошей стали, с аккурат-

ным, боевым изгибом, рукояти обмотаны кожей для уверенного хвата. И к каждому – самодельная кобура, сшитая из остатков толстой кожи, с чёткими, только что выжженными надписями.

– Держите, – сказал дед, но когда пацаны потянулись, он сделал шаг назад. – Куда руки тянете? Вы же знаете, где чей.

Он взял первый нож. На кобуре, аккуратными прописными буквами, было выжжено: АЛЕКСАНДР.

– Сань, твой, – дед вручил нож Санёку. Тот взял его, ощутив в ладони непривычную, но уверенную тяжесть.

Второй нож. Надпись: НИКИТА.

– Никитос, твой.

И последний. Надпись: АРСЕНИЙ. Дед задержал его в руке на мгновение дольше, посмотрел внутрь, будто проверяя последнюю деталь, и протянул.

– Держи, сынок.

Пацаны, не скрывая волнения, принялись осматривать клинки, проверять баланс, крепить кобуры к ремням. Это был уже не инструмент, а личное оружие. Часть их нового «я».

– Это ещё не всё, – голос деда снова привлёк их внимание. Он был серьёзен, даже суров. – В ваш первый поход вы нашли сейф. Не могу отпустить вас снова без того, что даст настоящий шанс.

Он снова полез в сумку и достал три пистолета ПМ в грубых, но добротных кожаных кобурах. Металл был чистым, виднелась смазка.

– Все тоже подписаны. Разбирайте.

Они, затаив дыхание, подошли ближе. Арсений взял свой, ощутил холодный вес стали. Механизм, настоящий боевой пистолет. Но что-то было не так. Он отщёлкнул магазин... Он был пуст.

– Дед, а стрелять чем? – спросил он, поднимая взгляд.

– Внимательный, – одобрительно, без улыбки, кивнул старик. – Вот чем.

Он вынул из внутреннего кармана куртки три обоймы. В каждой – по восемь патронов.

– Держите. Это ваш боекомплект. Не подарок. Не игрушка. Стратегический ресурс. За каждый потраченный патрон будете письменно отчитываться. Понятно? По голубям не стреляем. По стёклам не балуемся. Это – для жизни. Вашей. Или для спасения чужой, если придётся. Больше не будет, пока не найдём новые.

Он вручил каждому его смертоносный «набор». Патроны туго, со звонким стуком, вошли в обоймы. Заряженные пистолеты заняли своё место на поясах, рядом с именными ножами. Вес на ремне стал иным. Не просто тяжесть железа. Вес ответственности. Вес последнего аргумента в мире, где слова уже ничего не значили.

Они стояли теперь не как мальчишки в самодельных доспехах, а как бойцы. Вооружённые, экипированные, отмеченные личным клеймом деда. Их первый выход был разведкой. Этот – уже боевой вылет. Дед обвёл их взглядом ещё раз, будто проверяя, готовы ли они нести этот новый груз.

– Теперь всё. Карта у вас есть. Алгоритм проверки выучите по дороге. Я наверху. Рация на связи. – Он положил руку на тяжёлый засов ворот. – Удачи, отделение. И помните: я жду назад всё. И оружие, и патроны, и вас. Всё целым.

Щелчок откинутого засова прозвучал громче любого выстрела. Ворота приоткрылись, впуская полосу холодного света и молчания. Их путь лежал к первым двум домам за забором. Но теперь они шли туда другими.

Пацаны вышли за ворота, и мир снова встретил их гробовой, солнечной тишиной. Первый дом справа – тот самый, с мёртвой собакой – они уже знали. Обойти его стороной было правилом хорошего тона. Целью стал соседний слева, такой же двухэтажный особняк за высо-

ким забором. Ритуал повторился: быстрая разведка через щель в воротах, тихий перелёт через забор, уже ловчее, почти синхронно, скользящий подход к задней двери. Но здесь их ждало первое разочарование. Дверь была не просто закрыта – её кто-то придавил с другой стороны чем-то тяжёлым, и как бы они не старались толкать дверь, у них получилось только добиться маленькой щели. Сквозь эту щель пахло сыростью и мышами. «Кто-то баррикадировался. Или что-то баррикадировало», – мелькнула у всех одна мысль. Штурмовать было безумием – слишком громко, чтобы бить окна, слишком долго, что бы открывать дверь.

– Не мужики, тут полный пиздец – задыхаясь сказал Арсений, отдавая знак к отходу. – Пошли дальше.

Они так же тихо, как появились, исчезли со двора, оставив загадочный дом в покое. На его смену пришёл следующий, справа от их крепости. План «в три дома» уже трещал по швам. Энергии и времени уходило больше, чем они рассчитывали.

Второй дом казался более перспективным – калитка была приоткрыта, двор пуст. Но внутри их ждала не опасность, а... пустота в квадрате. Не просто отсутствие людей. Кто-то уже побывал здесь до них. И побывал тщательно. Кухонные шкафы распахнуты настежь, все полки пусты. В кладовой – лишь жалкая банка тушёнки и разорванная пачка соли на полу. В гараже – они нашли каплю бензина, но этой капли хватит лишь на день их проживания, надежда была на аккумуляторы в машинах и те были сняты. Это был не хаос бегства, а систематический грабёж. Кто-то работал профессионально, без лишнего шума.

Никитос, заглянув в пустую кладовку, только развёл руками.

– Нас опередили, блядь. Как кроты, всё вычистили.

Санёк мрачно кивнул, пнув ногой пустую банку из-под тушёнки. Она звякнула, заглушаясь ватой пыли на полу.

В этот момент Арсений почувствовал не просто разочарование, а нарастающую тревогу. Если в посёлке действуют другие – значит, они не одни. И эти «другие» явно не собираются делиться. Их тихая крепость могла уже быть на примете.

– Отчёт деду, – тихо сказал он, нажимая на рацию. – Второй дом чист. Вернее, очищен до нас. Кто-то был тут раньше. Из находок: банка тушёнки и чуть меньше канистры бензина.

Голос деда в ответ был скупым: «Понял. Следующая цель – в конце улицы, синий забор. Там был гараж, могли хранить канистры. Будьте вдвое осторожнее».

Они перегруппировались и двинулись дальше, к указанной дедом точке. Но по дороге Арсений невольно бросил взгляд на третий дом – не запланированный, стоявший чуть в стороне, почти скрытый зарослями высоких, нестриженных елей. Дом выглядел... не таким. Не броским, не забитым. Окна первого этажа были закрыты плотными шторами. И в окне он заметил тень. Тень человека или может новых людей.

Он остановился как вкопанный. Сердце застучало чаще.

– Пацаны, – прошептал он. – Смотрите.

Санёк и Никитос, по инерции пройдя пару шагов, обернулись и замерли. Они тоже увидели. Тень. В мёртвом посёлке. Все инструкции деда, весь алгоритм проверки мгновенно всплыли в памяти. Но сейчас они столкнулись не с абстрактной «угрозой заражения», а с живым, прямым доказательством, что они не одни.

Иерархия целей рухнула в тот же миг. Солярка подождёт.

– Проверяем, только деду не слова – без колебаний сказал Арсений, и в его голосе прозвучала та же стальная нота, что и у деда. – По всем правилам. Но сначала – посмотрим.

Дед с крыши увидел их отклонение от маршрута, но решил промолчать и понять, что их привело в этот дом.

Они бесшумно, как призраки, свернули с намеченного пути и начали скользить к дому. Каждый шаг по хрустящему снегу отдавался в висках гулким эхом. Страх перед неизвестно-

стью смешивался с диким, щемящим любопытством. Кто там? Друг? Враг? Или... Или начало той самой «забытой истории», которая ждала своего часа, чтобы напомнить о себе.

Подойдя вплотную к дому, они замерли, вжившись в тень зарослей. Ничего. Ни следов на снегу, ни звуков, ни намёка на свет. Мёртвая тишина, такая же, как во всех остальных домах. Но эта тишина была обманчивой – её нарушала та самая, увиденная тень. Теперь она ощущалась физически, как невидимый взгляд из-за тёмного стекла.

– Пацаны, – голос Арсения прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха. – Я понимаю, дед говорил беречь патроны. Но сейчас... сейчас не тот случай.

Он расстегнул кобуру на поясе. Замшевая подкладка мягко шипнула, выпуская холодную сталь. Он вытащил пистолет. Вес в руке был чужим, непривычно значительным, будто он держал не инструмент, а сгусток ответственности и смерти. Большой палец нащупал предохранитель. Тугой, упрямый щелчок разрезал тишину, отдался в костяшках пальцев. Звук был крошечным, но в их напряжённом слухе он прозвучал как выстрел.

Санёк и Никитос, не глядя друг на друга, повторили его движения. Скрип кожи, лязг металла. Но когда все трое замерли с оружием в руках, лицо Санька исказила не решимость, а паника.

– Петрович... – его шёпот сорвался, став почти детским. – Я же... стрелять не умею.

Слова повисли в морозном воздухе, обнажив чудовищный просчёт. Всё их «боевое» братство, вся отточенная тактика – рассыпались в прах перед простым фактом: они вооружены, но не обучены. Арсений почувствовал, как под пластинами доспеха по спине пробежала ледяная струйка пота.

Он заставил себя дышать ровно и повернулся к Саньку.

– Всё просто. Держись в конце. Если придётся... – Арсений шагнул ближе, не выпуская пистолета из руки, и свободной рукой указал на ствол оружия Санька. – Совмещаешь вот эти две мушки. – Его палец коснулся сначала целика, потом мушки на конце ствола, проводя между ними невидимую линию. – И целься не в цель. Целься сквозь неё. Как будто твоя пуля должна пролететь сквозь это и дальше. Всё.

Его движения были резкими, но уверенными. Этому не учили в книгах по медицине и не тренировали на склоне. Это знание было из другого мира – мира его отца.

– А ты... откуда всё это знаешь? – тихо, с плохо скрытым изумлением, спросил Никитос, не сводя глаз с его рук.

Арсений на миг встретился с ним взглядом, и в его глазах мелькнуло что-то далёкое – не бравата, а горькая память.

– Отец же охотник, – он коротко, без радости, усмехнулся. – Вozил на стрельбище. Пару раз даже попадал. Думал, ерунда... а теперь вот.

Эта усмешка говорила больше любых слов. Все их детские навыки – лыжи, спуски, дружба – оказались в прошлом. Теперь важны были совсем другие уроки, полученные когда-то почти случайно. И от того, насколько хорошо Арсений их усвоил, зависела теперь не медаль, а их жизнь.

Они стояли втроем, с незнакомым железом в неумелых руках, глядя на тёмный, безмолвный дом. Иллюзия защищённости, которую давало оружие, была тонкой и хрупкой. Следующий шаг вперёд был шагом в полную неизвестность, где единственным их козырем оказались обрывочные воспоминания Арсения об отцовских уроках на стрельбище.

Они встали у входной двери. Строй: Арсений – первый, за ним Никитос, замыкающий – Санёк, сжимающий пистолет с совмещёнными, но всё ещё дрожащими мушками. Арсений посмотрел на рацию на поясе. Чёрный пластик молчал, но за ним маячил голос деда, его приказ, его неумолимая логика. На секунду Арсений замер, будто взвешивая на невидимых весах доверие командира и холодный укол инстинкта, который гнал его сюда.

– Прости, дед, – прошептал он так тихо, что слова затерялись в скрипе его доспехов. – Но так... будет вернее.

Он отщёлкнул рацию с пояса, и большой палец нашупал тумблер. Глухой, финальный щелчок. Связь прервана. Они остались одни. Вне зоны доступа. Вне приказов.

– Мужики, – выдохнул он, уже глядя на дверь. – Заходим.

Он дёрнул ручку. Замок, сдавленно вздохнув, поддался. Дверь поплыла внутрь, открывая тёмный зев прихожей.

Их встретил не знакомый уже запах пыли и тлена. Воздух был холодным, но... чистым. Не вымершим. Пол под ногами не хрустел песком забытья. Это была не склепённая тишина брошенного дома, а настороженная, вымеренная тишина жилого пространства. Кто-то здесь был. И тут Арсений услышал. Не звук – шорох. Чёткий, не воображаемый. Сверху. Со второго этажа. Сухой, быстрый, как шаг по старому паркету.

– Пацаны... – его шёпот был острее лезвия. – Слышали?

Они не ответили. Только кивнули, застыв, вцепившись взглядами в потолок, будто пытаясь увидеть сквозь перекрытия. Шорох стих. На смену ему пришла новая, леденящая душу чёткость: щелчок. Негромкий, аккуратный. Звук двери, мягко закрывающейся на замок. В гробовой тишине дома этот звук прозвучал громче выстрела. Он был не случайным. Он был ответом. Они быстро, почти машинально, промелькнули по первому этажу – чистая кухня, аккуратная гостиная, ни души. Без обсуждения, единым порывом, двинулись к лестнице. Второй этаж встретил их коридором с рядом открытых дверей. И одной -закрытой. Эта дверь, стала для них абсолютным, безоговорочным центром притяжения. Молниеносные взгляды в соседние комнаты – пустота – и вот они уже стоят перед ней, сбившись в тугую, дышащий узел.

И тогда из-за двери донёсся голос.

– Не убивайте... – он был тонким, сдавленным от страха, явно женским. – Забирайте всё, что хотите. Только не убивайте, пожалуйста...

Напряжение в их плечах дрогнуло и схлынуло, как волна. Женщина. Она говорит. Значит, слышит. Значит, не они. Не заражённая. Угроза отступила на шаг, уступив место потрясению и жалости.

– Привет, – голос Арсения прозвучал нарочито спокойно, хотя сердце билось в горле. – Мы не будем тебя трогать. Открой дверь.

Он жестом – резким, отрывистым – велел пацанам отступить и сам сделал шаг назад, инстинктивно принимая боевую стойку, готовясь к рывку, к удару, к чему угодно.

– Зачем я вам? – в голосе за дверью послышались слёзы. – Берите всё и уходите, прошу...

– Я хочу убедиться, что с тобой всё в порядке, – сказал Арсений.

Это была ложь. Ему нужно было убедиться в другом: что за дверью не приманка, не разведчик враждебной группы, и что в этих ясных глазах не читается та самая, пустая ярость.

Тишина. Долгая. Потом – щелчок замка. Сухой, решающий. Три пистолета синхронно взлетели, нацелившись в точку у дверной щели. Пальцы легли на спуски. Время замедлилось.

Дверь отворилась.

На пороге стояла девочка. Лет пятнадцати, не больше. В огромном, сползающем с плеча тёплом свитере и простых трениках. Она была миниатюрной, почти хрупкой. Свет из окна падал на бледное, исхудавшее лицо с огромными, полными немого ужаса глазами и тёмными, растрёпанными волосами. Она была красивой – той болезненной, незащищённой красотой, которая в новом мире казалась почти кошунственной.

– Оружие опустите, – скомандовал Арсений, не отрывая от неё взгляда.

Пистолеты, послушные его голосу, опустились. Послышались тяжёлые, облегчённые щелчки предохранителей, переводящих смерть в безопасный режим. Они стояли, глядя на неё, а она смотрела на них – трёх громоздких, закованных в самодельную броню незнакомцев с

оружием в руках. В её взгляде не было агрессии. Только животный, всепоглощающий страх. Вдруг её взгляд, скользя по их плечам, зацепился за погоны – грубые, но всё же погоны.

– Вы... военные? – спросила она, и в её голосе затеплилась крошечная, хрупкая надежда.

– Ага, блядь, – фыркнул Никитос, не выдержав абсурда ситуации. – Пятнадцатилетние военные, специальный детский отряд.

Арсений резко, почти не глядя, ткнул его локтем в бок. Жёсткий пластик доспеха глухо стукнул.

– Нет, – сказал он девушке, и его голос вновь стал ровным, почти спокойным. – Не переживай. Мы такие же выжившие, как и ты.

Они стояли на расстоянии пяти метров друг от друга – три закованные в железо фигуры и одна хрупкая, дрожащая тень в дверном проёме. Никто не делал шага. Воздух между ними был густым, заряженным недоверием и немым вопросом «что дальше?».

Арсений медленно, чтобы не спугнуть, поднёс руку к поясу и нажал тумблер рации. Шипение эфира нарушило тишину.

– Дед, приём. Дом проверили до конца. Докладываю об... находках, – он выбрал слово намеренно нейтральное, не раскрывающее сути.

Из динамика, после короткой паузы, донёсся сухой, безэмоциональный ответ:

– Вас понял.

Связь прервалась. Теперь дед знал, что что-то произошло. Но не знал – что именно. А они стояли, глядя на девушку, которая смотрела на их рацию, на их форму, на их лица, пытаясь понять, кем они являются на самом деле: спасением или новой угрозой.

Арсений понял – момент взять всё в свои руки настал. Он развернулся к друзьям, и его голос прозвучал не как предложение, а как приказ.

– Пацаны, прочёсываем дом. Всё съедобное – с собой. Топливо, если найдёте -тоже.

– А ты чё? – недовольно буркнул Никитос. – С ней уединяться пошёл?

– Я проведу проверку, – отрезал Арсений, не повышая голоса. – Дед мне всё отдал. Алгоритм.

Ссылка на деда и «алгоритм» сработали как мантра. Пацаны, бросая на него тяжёлые взгляды, зашуршали пластинами и двинулись вниз по лестнице. Арсений обернулся к девушке. Он медленно, демонстративно убрал пистолет в кобуру. Шагнул ближе. Она стояла, прижавшись к косяку, не в силах пошевелиться, глаза – два огромных тёмных круга страха.

– Как тебя зовут? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

– А... Алиса, – ответила она без колебаний, будто имя было последним, что у неё осталось.

– Меня Арсений. Для своих – Петрович. Мы живём вон в том доме, через дорогу. – Он кивнул в сторону окна. – Понимаешь... – он искал слова, которые не звучали бы как приговор. – Мне нужно тебя проверить. На заражение. Ты не против?

Алиса молча кивнула, её взгляд скользнул по кобуре на его поясе. Сопротивляться смысла не было. Они прошли в комнату -небольшую, опрятную спальню с застеленной кроватью. Арсений снял рюкзак, достал то, что выдал дед: электронный градусник в чехле и маленький, но яркий налобный фонарик.

– Можешь поставить? – он протянул ей градусник.

Она молча взяла, отвернулась и ловко засунула его под свитер.

– Давно тут? – чтобы разрядить тишину, спросил Арсений, пока изучал в уме схему строения уха из памятки.

– С самого начала, – её голос дрожал, но был чётким. – Мама уехала по делам... Отец в командировки, колледж закрыли, сказали сидеть дома и ждать. Я и ждала...

– Понял, – кивнул Арсений. – Мы тоже с самого начала. Организовали убежище. Вот... выживаем.

Три минуты тянулись как три часа. Наконец, Алиса достала градусник. Арсений взял его, сверил показания. 35.8. Идеально. Даже чуть понижено – признак недоедания, страха, но не болезни.

– Температура в норме, – констатировал он, и впервые за этот разговор в его голосе прозвучало что-то, отдалённо напоминающее облегчение. – Теперь... можно уши посмотреть?

– Зачем? – она отшатнулась, инстинктивно прикрыв ухо ладонью.

– Главный признак. Уши... они у заражённых зарастают. Изнутри. Нужно убедиться.

Она больше не спрашивала. Медленно, будто делая последнее усилие, повернулась к нему боком и откинула тёмные волосы. Арсений включил фонарик. Наклонился ближе. И тут его ударил в нос запах. Не затхлости, не пота. Слабый, едва уловимый, но явный – цветочные духи. «Женщина...» - промелькнуло у него в голове с внезапной, ошеломляющей ясностью. – Даже в конце света духами пользуется».

Он заставил себя сосредоточиться. Осветил одно ухо, потом другое. Раковины чистые, никаких следов патологий. Всё в порядке. Он выпрямился и выключил фонарик. Оставалось самое сложное. То, о чём в памятке было написано сухо: «Тщательный осмотр тела на предмет укусов». Он посмотрел на Алису, на её испуганное, но теперь уже не такое закрытое лицо, и понял, что следующие несколько минут будут самыми неловкими и тяжёлыми в его жизни. И, возможно, в её тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.